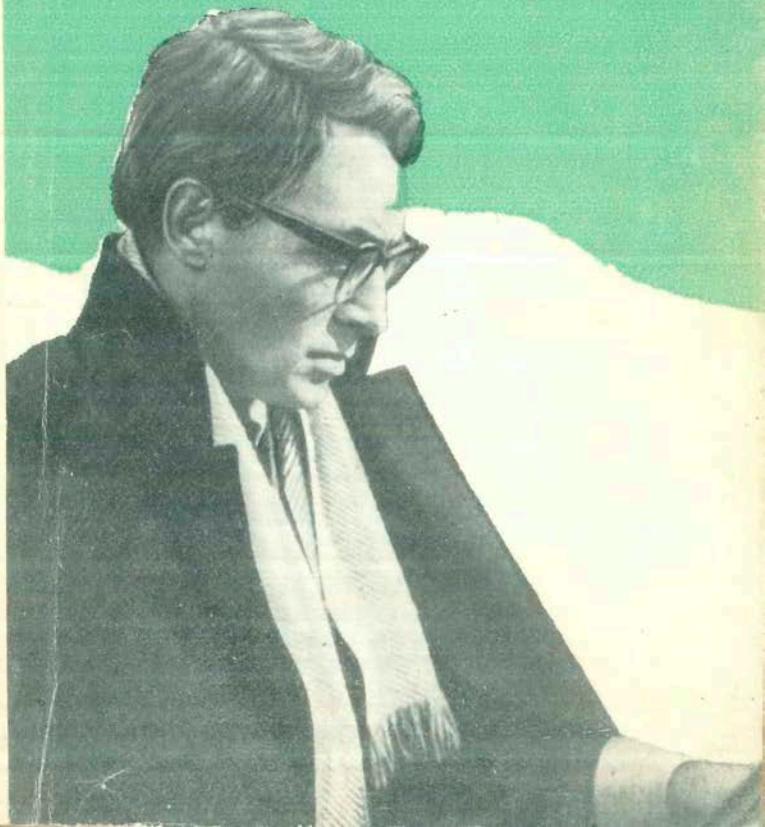

Г. ПОЛОНСКИЙ
ДОЖИВЕМ
ДО
ПОНЕДЕЛЬНИКА

ГЕОРГИЙ ПОЛОНСКИЙ родился в 1939 году в Москве. Окончив среднюю школу, поступил в Московский Областной педагогический институт имени Н. К. Крупской на филологический факультет.

Учась в институте, Г. Полонский пишет стихи, рассказы и, по воле случая, завязывает дружбу с коллективом Студенческого театра Московского Государственного Университета. Здесь возникает первый драматургический замысел: специально для Студенческого театра пишется драматическая поэма «Сердце у меня одно». В 1962 году ее постановку осуществил главный режиссер театра народный артист СССР Сергей Юткевич.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

Г. ПОЛОНСКИЙ ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

КИНОСЦЕНАРИЙ
О ТРЕХ ДНЯХ
В ОДНОЙ ШКОЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО» МОСКВА, 1970

ОТ АВТОРА

Мне повезло: делая первые шаги в кино, я опирался на поддержку людей, чье открытое доброжелательство входит, мне кажется, в понятие таланта.

Кинодраматургу И. Г. Ольшанскому — мое сердечное спасибо за два года учебы и дружбы, проведенных в его мастерской на Высших сценарных курсах.

Кинорежиссеру С. И. Ростоцкому — моя глубокая признательность за помощь, за споры, за единомыслие, за живые уроки кинематографа. Творческая воля Ростоцкого присутствует здесь, в этой книжке.

Георгий Полонский

8-1-5
126-130-69

И лицо с внимательными глазами, с трудом, с усилием, как открывается заржавевшая дверь, — улыбнулось...

Л. Толстой. «Война и мир»

ЧЕТВЕРГ

Та осень, которую любил Пушкин, все никак не начнется — стоит просто «облачная погода без прояснений».

Только к утру перестал дождь.

У серого четырехэтажного здания, которое главенствует во дворе, безлюдно — мокрые деревья да птичий крик...

Выбежали из этого здания два пацана без пальто. Поеживаясь и оглядываясь, закурили. Выступ небольшой каменной лестницы загораживает их от ветра и от возможных наблюдателей, но только с одной стороны.

А с противоположной — как раз идет человек. В очках. Сосредоточен на том, куда поставить ногу, чтобы не увязнуть в глине. В углу его рта — незаженная сигарета.

Мальчики нырнули обратно в помещение.

— Как думаешь, видел? — спросил один, щуплый, с мышиными зубками.

Второй пожал плечами.

Потом тот человек вошел в вестибюль.

— Здравствуйте, Илья Семёнович,— сказали оба мальчугана. Щуплый счел нужным объяснить их отсутствие на уроке:

— Нас за нянечкой послали, а ее нету...

— А спички есть? — спросил мужчина, вытирая ноги.

— Спички? Не... Мы же не курим.

Мужчина прошел в учительскую раздевалку.

— Надо было дать,— сказал второй мальчишка.— Он нормально спросил, как человек.

Щуплый со знанием жизни возразил:

— А кто его знает? С одной стороны — человек, с другой стороны — учитель... Пошли.

Под потолком летает обезумевшая взъерошенная ворона. От воплей, от протянутых к ней рук, от ужаса перед облавой она мечется, ударяясь о плафоны, тяжко машет старыми крыльями, пробует закрепиться на выступе классной доски, роняя перья... Там до нее легко дотянуться, и она перебирается выше, на портрет Ломоносова.

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. Сорвали урок!.. Совсем озверели от восторга, их теперь не унять, не перекричать... Весь авторитет — коту под хвост! В глазах у нее стоят слезы.

— Швабру тащи, швабру!

— А почему она не каркает? Может, немая?

— Черевичкина, ты всегда завтраки таскаешь, давай сюда хлеб!

— Станет она есть, жди! Сперва пусть очутиается!

— Наталья Сергеевна, а как по-английски ворона?

— Вспомнил про английский! Вот спасибо...

— Ну, как, Наталья Сергеевна?

— A crow.

— Эй, кр-роу, кррроу, кррроу!!!

— Тряпкой надо в нее! Дежурный, где тряпка?

— «Какие перышки! Какой носок! И верно, ангельский...».

— Ну знаешь классику, знаешь! Братцы, под лестницей белила стоят. Искупаем ее?

— Сдохнет.

— Крроу, крроу!

И все это выкрикивается почти одновременно, и в глазах Натальи Сергеевны блещут от этих вдохновенно-хулиганских, вспотевших, хохочущих лиц! Вот уже кто-то приволок швабру, отнимают ее друг у друга... Ворона сжимается, пятится, закрывая глаза...

— Хватит! Не смейте ее пугать, она живая! — вдруг кричит Наталья Сергеевна, которая, глотая слезы, готовила совсем другие слова — про потерянный человеческий облик, про вызов родителей, про строжайшие меры...

У второгодника Сыромятникова она силой отбирает швабру, сует ее девчонке:

— Дикари вы, что ли? Рита, унеси швабру!

Потом она встала на стул и в наступившей тишине потянулась к вороне:

— Не бойся, глупенькая. Ничего мы тебе не сделаем...

Восхищенно переглядываются ребята: новая англичаночка у них, оказывается,— что надо!

...Одному из ребят возня с вороной наскутила. Это Генка Шестопал, парень с темными недобродушными глазами, с драмой короткого роста, со скандальной — заметим к слову — репутацией. Китель расстегнут, руки в карманах, движения какие-то нервно-пружинистые.

Он вышел в пустой коридор вслед за девчонкой, которая вынесла туда швабру.

— Что бу-удет!.. — весело ужасаясь, сказала девочка про всю эту кутерьму.

Она была тоненькая, светлая, зеленоглазая, ее звали Рита Черкасова.

— А что будет? — меланхолически спросил Генка. — Будут метать икру, только и всего...

— А кто это сделал-то? Я и не заметила, откуда она вылетела.

— А зря. — Генка открыто разглядывал Риту. Другим девчонкам не под силу соперничать с ней, и она это знает, оттого и ведет себя с тем королевским достоинством, которому не приходится кричать о себе: имеющий глаза увидит и так...

— Зря не заметила. Ты член бюро, с тебя будут спрашивать...

Она дунула небрежно вверх, прогоняя падающую на глаза прядь волос, и хотела вернуться в класс, но Генка привалился спиной к двери.

— «Что за женщина, — тихонько пропел он, — увижу и неме-ею».

— Пусти, ну!

— Когда это дело будет разбираться в вексах, — проговорил Генка бесстрастно, — можешь сказать, что ворону принес я.

— Ты?! Очень мило с твоей стороны, — покрасилась она. — Я жутко запустила английский, два раза отказывалась, а сегодня погорела бы точно.

— А моя ворона умница, она это учла, — глядя в потолок, намекнул Генка. — Ну ладно, иди, а то телохранитель твой заволнуется. — Это он произнес уже другим тоном, едким и мрачным.

— Из-за тебя? — Она смерила его взглядом и вернулась в класс. Генка вздохнул и пошел за ней.

...Наталья Сергеевна, все еще стоя на стуле, подумала вслух:

— Так она не пойдет на руки. Надо хлеба на книжку... Есть хлеб?

— А как же! Черевичкина! — Это крикнул Костя Батищев, красивый парень в техасских штанах. Это его Генка назвал телохранителем Риты, и она действительно немедля оказалась рядом с ним. И за партой они сидели вместе. И вообще их роман законным образом цвел на глазах у всех.

Пышнотелая Черевичкина давно держала наготове полиэтиленовый мешочек с бутербродами. Не вынимая их оттуда, она отщипнула немножко.

— Вороне Главжиртрест послал кусочек сыра, — продекламировал Михайцев, большой энтузиаст нынешнего переполоха. Он вырвал

у нее мешочек.— Не жмотничай, тебе фигуру надо беречь....

Класс продолжал ходить ходуном.

По коридору шагал Илья Семенович Мельников, учитель истории,— мы видели его, когда он входил в школу.

Худощавый лобастый человек. Серебряный чубчик. Иронический рот и близорукость придают его облику некоторую надменность. Но стоит ему снять очки — выражение глаз станет беззащитным, печальным. Он чем-то на Грибодова похож.

Мельникова остановил шум за дверью девятого «В». Пришлось заглянуть: с нового учебного года он был здесь классным руководителем.

То, что он увидел, было настоящим ЧП: класс радостно сходил с ума, учительница, явно забывшись, стояла на стуле, кольцом окружали ее ребята, ни один не сидел за партой, и все шесть плафонов на потолке угрожающе раскачивались чуть не на полную амплитуду!

Мельников распахнул дверь и ждал не двигаясь. Просто глядел и вникал.

Они застыли на местах. Мальчишки прекратили жевать конфискованные у Черевичкиной бутерброды.

Опустив голову, закрыв щеки и уши обеими руками, умирала от стыда и страха Наталья Сергеевна... Она даже со стула забыла слезеть, до того оцепенела.

Мельников понял, что взрослых здесь не двое, как могло показаться, а он один. Оглядываясь на него, ребята побрели к своим партам. Наталья Сергеевна, неловко натягивая подол, слезала со стула.

Только теперь, когда все расступились, Мельников увидел ворону. Она, словно нарочно, чтобы обратить на себя его внимание, покинула портрет Ломоносова и села на шкаф для наглядных пособий. Многие прыснули.

— Илья Семенович, понимаете... — краснея, начала Наталья Сергеевна, — я давала на доске новую лексику, было все хорошо, тихо... и вдруг — летит... Я не выяснила, кто ее принес, или, может быть, она сама...

— Сама-сама, что за вопрос! Погреться, — насмешливо перебил Мельников, глянув на закрытые окна. — А зачем передо мной оправдываться? Класс на редкость активен, у вас с ним полный контакт, всем весело, зачем же я буду вмешиваться? Я не буду. — Он повернулся и вышел.

В классе приглушенно засмеялись, потом притихли — кто затаил азартное любопытство (что ж она теперь будет делать?!), кто — сочувствие (все-таки она еще девчонка...).

— А правда, что вы у него учились? — спросил Генка, с интересом наблюдавший за ней.

Она не ответила. Прикусив губу, постояла в растерянности и вдруг выбежала вслед за Мельниковым.

Догнала его в пустом коридоре.

— Илья Семенович!

— Да? — Он остановился.

— Зачем вы так? Илья Семенович? Да, я виновата, я веду себя, как последняя дура... Но вы могли бы помочь...

— В чем? Если вам нужна их любовь — так они от вас без ума... А если авторитет...

— А вам теперь любовь не нужна?

Мельников усмехнулся.

— Любовь зла. Не позволяйте им садиться себе на голову, дистанцию держите, дистанцию!.. Чтобы не плакать потом... А помочь не сумею: никогда не ловил ворон!

Почему у нее горят щеки под его взглядом?
Почему она поворачивается, как солдатик, и почти бежит, чувствуя этот взгляд спиной?

В классе она, конечно, застала все то же бузотерство вокруг вороны. И — принялась «держать дистанцию»...

С такой холодной угрозой она им сказала «Silence! Take your places»¹, что сели они сразу и молча уставились на нее с опасливым ожиданием. Она подошла к окну, открыла первую раму... Немного замешкалась, открывая вторую: шпингалет не поддавался.

— Выбросит! — вслух догадалась Рита Черкасова.

— Вспугнуть бы... — прошептал мечтательно чернявый Михайцев.

Англичанка стояла спиной: надо было успеть, пока она не обернулась. И, прицелившись, Костя Батищев сильно и точно запустил в ворону тряпкой. Но слишком сильно и слиш-

ком точно — так, что даже ахнули: мокрая, и оттого тяжелая тряпка накрыла птицу, сбила ее и только упростила учительнице дело.

Она взяла этот трепыхающийся ком — и выкинула.

Стало очень тихо. Наталья Сергеевна захлопнула окно и стала быстро-быстро перебирать и перелистывать на столе свои книжки и записи...

— А мама мне говорила, что птичек убивать нехорошо, — меланхолически сказал пересток Сыромятников.

— Без суда и следствия, — добавил Михайцев.

Непослушной рукой Наташа стала выписывать на доске слова к новому тексту. Но класс не унимался.

— Наталья Сергеевна, ведь четвертый же этаж! В тряпке! Зачем вы так, Наталья Сергеевна! — волновались девочки.

Напрасно она пыталась вернуться к английскому, напрасно стучала по столу и повторяла:

— Stop talking! Silence, please!¹ — Чужой язык раздражал их, пока они кое-чего не выяснили на своем.

Генка, ни слова не говоря, сердито-серъезно следил за событиями. Зато острил, розовый от злости и возбуждения, его соперник Костя Батищев:

— Гражданская панихида объявляется открытой... Покойница отдала жизнь делу народного образования.

¹ Прекратите разговоры! Тишина, пожалуйста!

— Батищев, shut up!¹ — грозно сказала учительница.

— А может, не разбилась? — предположил кто-то.

— Я сбегаю погляжу, можно, Наталья Сергеевна? Я мигом... — вызвался Сыромятников и уже встал и пошел. — Я даже принести могу — живую или дохлую, хотите?

Наташа схватила его за рукав:

— Вернись!

— Ты не сюда, ты Илье Семеновичу принеси, — медленно, отчетливо произнесла Рита. — Пусть он видит, какие жертвы для него делаются!..

Это оскорбило Наталью Сергеевну до слез, она задохнулась и скомандовала на двух языках:

— Черкасова, go out! Выйди вон!

Рита дунула вверх, прогоняя падающую на глаза прядь, переглянулась с Костей и неторопливо, с улыбкой, ушла.

Сыромятников — вслед за ней.

— Интересно узнать, за что вы ее? — сузил глаза Костя. — Ребятки, нам подменили учительницу! У нас была чудесная веселая девочка...

— Батищев, go out! Я вам не девушка! — выпалила Наталья Сергеевна под хохот мужской половины класса.

— Ну все равно — женщина, я извиняюсь, — широко улыбаясь, продолжал Костя. — И вдруг — Аракчеев в юбке.

¹ Закрой рот!

— Думайте что хотите, но там, за дверью... Be quick!

В знак протesta мальчишки застучали ногами, загудели... У двери Костя сказал тоном сочувствия:

— Так вы скоро одна останетесь!

— Пожалуйста! Я никого не держу... — окончательно сорвалась учительница, бледная как стенка, и отвернулась к доске, чтобы выписать там остаток новых слов...

Поднялся и пошел к двери Михайцев. И его сосед. И в солидарном молчании поднялось полкласса, весь класс... Уходя, Генка сказал:

— «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не был по голове...»

...Потемнело в глазах Натальи Сергеевны. Только слух различал, как хлопают крышки парт. Когда она открыла глаза, в классе сидела только одна перепуганная толстая Черевичкина. Ужаснулась Наташа и снова закрыла глаза.

Уроки кончились, школа опустела. Только гнется над тетрадками учительница русского языка и литературы Светлана Михайловна, гуляет по страницам ее размашистый карандаш.

Вот она подняла голову, недоуменно прислушалась: музыка... Прекрасная и печальная музыка, совсем необычная для школьных стен.

Светлана Михайловна заложила тетрадку карандашом и встала, любопытство повело ее

* Поторопись!

наверх, в актовый зал... Она тихонько входит. В зале свет не горит и пусто. Нужно сперва освоиться с полумраком, чтобы увидеть: на сцене у рояля сидит Мельников и играет пустым стульям.

— Так вот кто этот таинственный романтик! — бархатисто засмеялась Светлана Михайловна.

Мельников вздрогнул, убрал руки с клавиш.

— Да нет, вы играйте, играйте, я с удовольствием вас послушаю. Я только мрака не люблю, я включу? — И она зажгла все плафоны. — Вот! Совсем другое настроение... Это вы играли какую вещь?

Мельников вздохнул, но ответил:

— «Одинокий путешественник» Грига.

Помолчали.

— Да, — теперь уже вздохнула Светлана Михайловна, — настоящую музыку понимают немногие.

Она сделала паузу, ожидая, что Мельников подхватит ее мысль, но он молчал, только пальцы его изредка задевали клавиши... Продолжила сама Светлана Михайловна:

— Я всегда твержу: нельзя нам замыкаться в скорлупе своего предмета. Надо брать шире, верно? Черпать всесторонне, где только возможно! И тогда личная жизнь у многих могла бы быть богаче... Если подумать хорошенъко.

Мельников согласился вежливо:

— Если подумать — конечно.

— А кстати: почему вы не спешите домой? Не тянет?

Вопрос был задан значительно, но Мельников его упростил:

— Дождь.

— Дождь? — переспросила она недоверчиво. — Ну да, конечно.

Разговор клеился плохо.

— «В нашем городе дождь...» — негромко пропела Светлана Михайловна, умудренно, с печальной лаской глядя на Мельникова. — «Он идет днем и ночью...»

Одним пальцем он подыграл ей мелодию.

— «Слов моих ты не ждешь... Ла-ла-ла-ла...».

Вдруг погасли плафоны. Мимо застекленной двери, за которой оставался последний источник света, прошла нянечка с ведром. Возможно, это был с ее стороны намек: закройтесь, мол, со своей лирикой...

— Я ведь пела когда-то, — поспешила заговорить Светлана Михайловна. — Было такое «хобби»! После войны я в семилетке работала, в Пензе, так меня там для областного радио записывали... Где-то и теперь та пленка валяется.

— Вот бы послушать, — сказал Мельников.

— Вы правда хотите? — встрепенулась Светлана Михайловна.

— Например, на большой перемене по нашему радиоузлу, — пошутил он жестко и неулыбчиво.

Светлана Михайловна потускнела, сникла, но затем, преодолев минутную слабость, потребовала:

— Дайте мне сигарету!

Мельников дал сигарету, дал прикурить и спустился в зал. Сел там на один из стульев. Теперь они были разделены значительным пространством.

Светлана Михайловна жадно затянулась и затем спокойно через весь зал сказала:

— Зря злитесь, зря расстраиваетесь и зря играете «Одинокого пешехода».

— Путешественника,— поправил он. И зачем-то перевел на английский:— «Alone traveler...»

— Вот-вот,— подхватила Светлана Михайловна.— Ничего ей не будет. Ее простят — и дирекция и вы в первую очередь. Она же девочка, только начинает. Это мы с вами ничего не можем себе простить и позволить...

Закрыв глаза, Мельников откинулся на спинку стула.

Шумел за окнами дождь.

Светлана Михайловна подошла к Мельникову.

— Что с вами? — спросила она, страстно желая понять.— Почему вы стали таким?

— Каким? — Мельников спросил, не открывая глаз.

— Другим!

Он вдруг подмигнул ей и прочитал:

— «Не властны мы в самих себе,
И в молодые наши леты
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть,
Всевидящей судьбе».

А? Как просто сказано, как спокойно... И — навсегда.

— Еще бы,— осторожно поддержала Светлана Михайловна.— Классик.

— Кто?

Глаза ее устремились вверх, на лбу собралась гармошка морщин — ни дать, ни взять школьница у доски.

— Похоже на Некрасова. Нет?

Он покачал головой. Ему нравилось играть с ней, с учительницей литературы, в такие изнурительные для нее викторины:

— Тю... Не Тютчев?

— Холодно.

— Фет?

— Холодно. Это не из школьной программы.

— Сдаюсь...

— Баратынский.

— Ну, знаете! Никто не обязан помнить всех второстепенных авторов,— раздражилась вдруг Светлана Михайловна.— Баратынский!

— А его уже перевели, вы не слышали?
Она смотрела озадаченно.

— Перевели его, в первостепенные.

За что он ей мстит? За что?!

И она сказала, платя ему той же монетой:

— Вы стали злым, безразличным и одиночным. Вы просто ушли в себя и развели там пессимизм! А вы ведь историк... Вам это неудобно с политической даже точки зрения.

Вот этого ей говорить не стоило! Мельников едко усмехнулся и отрезал:

— Я, Светлана Михайловна, сейчас даю историю до семнадцатого года. Так что политически тут все в порядке...

Он поднялся, чужой, холодно поблескивающий стеклами очков, в черном пальто, накинутом на плечи...

Она поняла, что его уже не вернешь, и мстительно спросила вслед:

— Вас, очевидно, заждалась ваша мама?

— Очевидно. До свидания.

Хлопнула дверь.

Сидит Светлана Михайловна в полутемном зале одна, слушает гулкие шаги, которые все дальше, все тише.

Они встретились в булочной — учитель и ученик.

— Пять восемьдесят — в кондитерский, — сказал ученик кассирше. Он был интеллигентный, симпатичный — и почти совсем сухой, в то время как на улице наяривал ливень, отвесный, как стена.

— Двадцать две — хлеб, — сказал Мельников.

И тут парень, отошедший с чеком, заметил его.

— Илья Семенович!

— Виноват... — У Мельникова запотели очки. Пришлось их снять. — Боря Рудницкий, если не ошибаюсь?

— Так точно! Вот это встреча!..

Дальнейшее происходило в кабине серой «Волги». Борис сидел с шофером, Мельников — сзади, засовывая хлеб в портфель.

— Ну вот... Так-то веселей, чем мокнуть. Приказывайте, Илья Семенович, куда вам?

— Хотелось бы домой, на старый Арбат.

— Отлично. Толик, слыхал? — обратился Борис к шоферу, который кивнул и дал газ. — Все там же живете, все там же работаете... — с тепловатой грустью не то спросил Мельникова, не то констатировал Борис.

— Да. Боря, а что значит сия машина? — В тоне Мельникова благожелательное удивление.

— Как — что? — засмеялся Борис. — Значит, в нашем департаменте о ценных кадрах заботятся лучше, чем у вас... Мне, например, обидно, что такой человек, как вы, распыляет себя в средней школе, ходит пешком в дождь и в грязь — это не только несправедливо, но и нерентабельно для общества! Вас можно использовать с гораздо более высоким КПД...

Борис говорил это с веселым возмущением, с тем особым дальновидным юмором, который амортизирует резкость любых суждений и не позволяет придраться к ним...

— Расскажи о себе, — переключил его Мельников.

— А я в порядке, Илья Семенович, жалоб нет.

— Женат?

— Свободен. — Юмор Бориса утратил долю своей естественности. — Кстати, ведь там у вас обосновалась... одна наша общая знакомая... Как она?

— Рано судить, — с заминкой ответил Мельников. — Есть свои трудности, но у кого их нет?

— Трудности она обожает! Настолько, что создает их искусственно... Себе-то — ладно,

это дело вкуса, но другим она их тоже создает...

Помолчали. Мельникову хотелось спросить, что значат эти слова, но его что-то удерживало.

Вдруг, разом потеряв свой «амортизирующий» юмор, Борис повернулся к Мельникову и жарко заговорил:

— Ну ладно: вам я скажу, вам это даже надо знать! Представьте себе невесту, которая буквально у входа в загс бормочет «прости меня», швыряет цветы и бежит, бежит, как черт от ладана... Красиво? Мало того, что меня опозорили, мало того, что у моего отца был сердечный приступ, так еще сорвалась моя командировка в Англию на год,— сами знаете, как они любят посыпать неженатых! О своих чувствах я уж и не говорю...

Летели в окнах дрожащие, обгоняющие друг друга огни... Чтобы закруглить эту тему без досады и зла, Борис сказал:

— А вообще-то все к лучшему. Знаете такую песенку:

«В жизни всему уделяется место,
Рядом с добром уживается зло...
Если к другому уходит невеста,
То неизвестно, кому повезло!»

Огни, огни... Лиц мы не видим.

— Или я неправ?

— Прав, Боря, прав... Здесь можно остановить?

— Но ведь еще не Арбат!

— Неважно, я дворами пройду... Спасибо.
Мне еще в аптеку...

— А вот и аптека,— сказал шофер.

— А прав ты, Боря, в том, что мой КПД мог быть гораздо выше...

Хлопнула дверца.

Машина сначала медленно, словно недоумевая, сопровождала Мельникова, идущего по тротуару, а затем рванула вперед и скрылась за пеленой дождя...

Он ел без всякого интереса к пище, наугад тыкая вилкой и глядя в газету.

Его мать — старуха строгая, с породистым одутловатым лицом и умными глазами — сидела в кресле и смотрела, как он ест. Вздрагивающей ладонью она поглаживала по голове бронзовый бюстик какого-то древнего грека — Демосфена? Демокрита? Геродота? — словом, кого-то из них.

— Кто-нибудь звонил? — поинтересовался Мельников.

— Звонили... — Полина Андреевна не ожидалась от вопроса.

— Кто же?

— Зрители.

— Кто? — переспросил Мельников.

— Зрители кинотеатра «Прогресс», — терпеливо объяснила мать. — Спрашивали, что идет, когда идет, когда бронь будут давать... У них ГО-16, а у нас ГО-46 — вот и сцепились.

— Ну, это поправимо.

— А зачем поправлять? Незачем! Человеческие голоса услышу, сама язык развязжу... а то я уж людскую речь стала забывать!

Мельников засмеялся, покрутил головой.

— Мама! А если баню начнут спрашивать?
Или Священный синод!

Старуха, не обратив внимания на его реплику, продолжала свое:

— Тебе не повезло. Тебе очень не повезло: в свои шестьдесят девять лет твоя мать еще не онемела, она еще, старая грымза, хочет знать новости — о том, о сем... Вот ведь незадача! Ей интересно, о чем сын думает, как работа у него, как дети слушаются... С ней бы, с чертовой перечницей, поговорить полчаса — так ей бы на неделю хватило... всё-ё бы жевала...

— Мама, но там не театр, там обычные будни. Я не знаю, что рассказывать, ей-богу... — Он честно попытался вспомнить. — Говорил я тебе, что к нам пришла работать Наташа Горелова? Моя ученица, помнишь, нет? Выпуск семилетней давности... Бывала она здесь, свои стихи читала.

Полина Андреевна просияла и повернулась к сыну всем корпусом:

— Ну как же. У нее роман был с этим...

— С Борей Рудницким. Ну вот тебе и все новости. — Мельников направился в свою комнату. — Нет, еще одна: сегодня ей сорвали урок...

Теперь он у себя.

Здесь властвуют книги. Верхние стеллажи — под самым потолком. Это не подписные собрания сочинений, которые теперь у всех, — нет, эту библиотеку создавали задолго до нынешней книжной инфляции; старые издания — в большинстве.

27

На стене одна картина — «Что есть истинаА» — работы Николая Ге: диспут Понтия Пилата с Христом в плебейском обличье. Старенькое пианино с канделябрами, диван, рабочий стол, где в сочетании, понятном одному хозяину, лежат том Шиллера, книжки из серии «Библиотека современной фантастики» и старый журнал «Каторга и ссылка»...

Илья Семенович расслабил узел галстука, повалился на диван, взял одну из этих книг. Но нет, не читалось ему.

Глядя поверх страницы, он думал, курил и, наконец, до чего-то додумавшись, резко поднялся.

Прошел в комнату матери, взял там переносный телефонный аппарат и, путаясь в шнуре, направился к себе.

— Слушай, — весело окликнула мать. — А привел бы ты ее к нам? Ведь есть что вспомнить...

— Например?

— Ну как же. Забыл, как сам жаловался, что ее глазищи мешают тебе работать?.. Как уставятся молитvenno...

— Мама!

— Это что-нибудь да значило! Я уж не знаю, куда смотрел этот ее парень...

— Будет, мама, ты увлеклась, — перебил Мельников, рассерженно удивившись, и, потянув за собой телефонный шнур, ушел к себе, заперся.

— Нет, обязательно приведи! — в закрытую дверь сказала Полина Андреевна. — Скажи, я пригласила...

Разговор этот совсем взбесил Мельникова.
Он лежал и смотрел на телефон, стоящий
на полу, как на заклятого врага.

Отвернется в книгу. Потом посмотрит
опять... Пресек наконец сомнения, набрал но-
мер.

— Алло? Алло? — неразборчивым клеко-
том ответила трубка.

Мельников, после нелепо долгой паузы,
спросил:

— Скажите, что у вас сегодня?.. Это кинотеатр «Прогресс»?.. Нет? Странно...

Он надавил ребром ладони на рычаг, стукнулся
себя довольно чувствительно трубкой по
лбу. Тот же номер набрал снова.

— Наталья Сергеевна, извините, это я по-
шутил по-дурацки. Мельников говорит... Дело
в том, что мне захотелось позвонить, я видел,
как вы уходили зареванная... Это вы напрасно,
честное слово. Если из-за каждой паршивой
вороньи...

Но трубка остудила его порыв какой-то ко-
роткой фразой.

— Ах, сами... Ну добро. Добро. Извините.

Он лежит с закрытыми глазами. Резко обозначены морщины, впадина на щеке. То ли тень так падает, то ли очень скверно стало
ему...

ПЯТНИЦА

Первый утренний звонок в восемь двадцать
дается для проверки общей готовности. На него не обращают внимания.

Учительская гудит от разговоров, легко подключая к ним вновь прибывших, тем более, что темы поминутно меняются.

Кто-то между делом спешит допроверить тетради: на них вечно не хватает времени...

— Вчера, представляете, просыпаюсь в час
ночи не на своей подушке...

— Да что вы? Это интересно.

— Ну вас, Игорь Степанович, всегда у вас
одно на уме... Просыпаюсь я головой на тет-
радке, свет в глаза... проверяла, проверяла —
и свалилась!

— Аллочка, имейте совесть! — так обращались время от времени к химичке Алле Борисовне, которая могла висеть на телефоне все внеурочное время. Она роняла в трубку какие-то междометия, томно поддакивала, скрывая предмет своего разговора, и это особенно возмущало учителей.

— Угу... Угу... Угу... — протяжно, в нос произносит Аллочка. — Угу... Висит за окном... Угу... В синенькой... Угу... Грамм двести.

Светлана Михайловна говорила с Наташой грубо-латково:

— Ну что такое стряслось? Нет, ты плечами не пожимай, ты мне глаза покажи... Вот так. И рассказывай. Ты не обижаяешься, что я говорю «ты»?

— Нет.

— Еще бы! Здесь теперь твой дом — отсюда вышла, сюда и пришла, так что обособляться некрасиво...

— Я не обособляюсь.

— Вот и правильно! Раиса Пална, а вы что ищете? Транспортиру? Большой, деревянный? На шкафу.

И опять к Наташе:

— А чего бледненькая? С женихом поссорилась? А кстати: неужели у вас ничем не кончилось? Ну, с Борей, я имею в виду...

— Ничем. Ой, Светлана Михайловна, я еще журнал не нашла...

Мельников говорил в углу со старицким географом, который постоянно имел всклокоченный вид, оттого что его бороденка росла принципиально криво. Илья Семенович возвращал ему какую-то книгу и ругал ее:

— Это, знаете, литература для парикмахерской, пока сидишь в очереди. Он же не дал себе труда разобраться: почему его герой пришел к религии? И почему ушел от нее? Для меня это вопрос вопросов, а здесь это эффектный ход!..

Старичок географ смущенно моргал, словно сам был автором ругаемой книги.

Мельников замолчал. До него донесся сектующий насморочный голос учительницы начальных классов:

— И все время на себя любуются! Я им говорю: не ложите зеркало в парту! Ложат! Вчера опять ложили...

Мельников скривился и воскликнул:

— Послушайте! Нельзя же так!

Говорившая обернулась и уставилась на него, как и все остальные.

— Я вам, вам говорю. Вы учитель, черт возьми, или...

— Вы — мне? — опешила женщина.

— «Ложить» — нет такого глагола, голубушка, Таисия Николаевна! Не бережете свой авторитет, так пощадите чужие уши!..

Его минутная ярость явно перекрывала повод к ней. Он и сам это почувствовал, отвернулся, уже жалея, что ввязался. Учительница начальных классов издала горлом булькающий сдавленный звук и быстро вышла... Светлана Михайловна — за ней:

— Таисия Николаевна! Ну зачем, золотко, так расстраиваться?..

Потом была пауза, а за ней — торопливая разноголосица на нейтральную тему о делах:

— Время, товарищи, время!

— Товарищи, где шестой «А»?

— Шестой «А» смотрит на вас, уважаемая... (речь шла о классном журнале).

— Лидия Иванна, ключ от физики у вас?

— Там открыто. Только я умоляю, чтобы ничего не трогали... Вчера мне чуть не сорвали лабораторную...

Светлана Михайловна вернулась взбудораженная, красная, сама не своя. Перекрыв все голоса, она объявила Мельникову:

— Вот, Илья Семенович, в чужом-то глазу мы соломинку видим... Весь ваш класс не явился на занятия. В раздевалку они не сдали ни одного пальто, через минуту второй звонок, а их никто не видел... Поздравляю.

Стало тихо в учительской. У Ивана Антоновича, у географа, вдруг что-то посыпалось из портфеля, куда он засовывал книжку.

— Я так и знала, что без Анны Львовны что-нибудь случится,— добавила Светлана Михайловна, ища взглядом Мельникова и не находя. Отгороженный столом, Илья Семенович сидел на корточках и помогал старику собрать его рассыпанные яблоки. Они вдвоем возились там — «история с географией», а учитель саркастически улыбались.

— Чей у них должен быть урок? — спросил Мельников, показавшись без очков над столом.

— Мой,— объявила Наташа.

Ее нога отфутболила к Мельникову запыленное яблоко.

Мельников осматривался, стоя без пальто у дверей школы. Двор был пуст. Кувыркались на ветру прелые листья, качались молоденькие оголенные деревца.

С развевающимся шарфом Илья Семенович пошел вдоль здания.

С тыльной стороны к школе пристраивали мастерские. Там был строительный беспорядок, стабильный, привычный, а потому уже уютный: доска, водруженная на старую трубку из котельной, образовала качели, леса и стальные тросы применялись для разных гимнастических штук; любили также пожарную лестницу; здесь можно было переждать какую-нибудь опасность, покурить, поговорить с девчонкой,— словом, свой девятый «В» Мельников не случайно обнаружил именно здесь.

Его увидели.

Кто-то первый дал сигнал тревоги, кто-то сделал попытку убежать, но был остановлен... До появления Мельникова они стояли и сидели на лесах группами, а теперь все сошлись, соединились, чтобы ожидаемая кара пришла на всех вместе и ни на кого в частности...

Генка Шестопал наблюдал за событиями сверху, с пожарной лестницы; он там удобно устроился и оставался незамеченным.

Мельников разглядел всю компанию. Они стояли разлохмаченные ветром, в распахнутых пальто... Портфели их сложены на лесах.

— Здравствуйте,— сказал Илья Семенович, испытывая неловкость и скучу от предстоящего объяснения.

— Здрассте...— Они старались не смотреть на него.

✓ — Бастуем, следовательно?

Они молчали.

✗ — Какие же лозунги?

Выступил вперед второгодник Сыромятников.

— Мы, Илья Семенович, знаете, за что выступаем? За уважение прав личности!

И многие загудели одобрительно, хотя и посмеиваясь. Сыромятников округлил маленькие глазки. Ему часто удавались столь глубокие формулировки, и он осмелел.

— Надо, Илья Семенович, англичаночку призвать к порядку. Грубит.

Мельников поглядел на длинное обиженное лицо этого верзилы — и не выдержал, рассмеялся:

— А я думал, тебя можно обидеть только оглоблей!

Костя Батищев перекинулся взглядом с Ритой и отодвинул Сыромятникова.

— Скажи, Батя, скажи... — зашептали ему.

Костя заговорил, не вынимая рук из косых карманов своей замечательной теплой куртки:

— Дело вот в чем. Сперва Наталья Сергеевна относилась к нам очень душевно...

— За это вы сорвали ей урок, — перебил Мельников.

— Разрешите я скажу свою мысль до конца, — самолюбиво возразил Костя.

— Прежде всего вернемся в помещение. Я вышел без пальто, а у меня радикулит...

Ребята посмотрели на Костя; он молчал, чувствуя свою власть и над ними и над этим узкоплечим продрогшим человеком в очках.

— А вы идите греться, Илья Семенович, — объявил ему Батищев с дружелюбным юмором, — мы придем на следующий урок.

Не глядя на Костя, Мельников сказал:

— Демидова, ты комсорг. Почему же командует Батищев?

Маленькая Света Демидова подняла честные глаза и серьезно сказала:

— Потому что у меня воля слабее.

— Комсорг — это же оппортунист, рабочая аристократия, — веселым тонким голосом объявил Михайцев.

— Пошутили — и будет, — невыразительно уговаривал Мельников. И смотрел на свои зляпанные глиной ботинки.

— А мы не шутим, Илья Семенович, — возразил Костя. — Мы серьезно.

— А если серьезно..., тогда получите одну историческую справку! — молодеющим от гнева голосом сказал учитель. — Когда-то русское общество было потрясено казнью Желябова, Перовской, Кибальчича... Или другое: из Орловского каторжного центра просочилась мольба заключенных о помощи: там применялись пытки... В таких случаях ваши ровесники не являлись в классы. Бастовали. И называли это борьбой за правá человеческой личности... Как Сыромятников.

Это смущило ребят.

— А сводить счеты с женщиной, у которой сдали нервы, — непорядочно! — закончил он.

— И что... помогали они? Ихние забастовки? — трусливо вобрал Сыромятников голову в плечи.

Илья Семенович не ответил, оглядел их всех еще раз и повернулся, чтобы уйти восвояси: у него не было больше ни аргументов, ни

желания уламывать их... Но тут он увидел бегущую Наташу.

Ребята насторожились, переглянулись: теперь учителей двое, они будут снимать стружку основательнее, злее... За ворону, за срыв уроков вчера и сегодня, за все...

Наталья Сергеевна была, как и Мельников, без пальто, но не мерзла — от возбуждения. Блестя сухими глазами, она сказала легко, точно выдохнула:

— Я хочу сказать... Вы простите меня, ребята. Я была неправа!

И — девятый «В» дрогнул. Произошло замешательство.

— Да что вы, Наталья Сергеевна! — хором заговорили девочки, светлея и сконфуживаясь.

— Да что вы, — заворчали себе под нос мальчишки.

— Нет, вы тоже свинтусы порядочные, конечно, но и я виновата...

Срывающийся голос откуда-то сверху сказал взволнованно:

— Это я один виноват! Ворона — моя...

Все задрали головы и увидели забытого на верху Генку. Он еще что-то пытался сказать, спускаясь с лестницы, но все потонуло во взрыве смеха — по его адресу. Обрадовался разрядке девятый «В»!..

— А я на Сыромятникова подумала!

— Что вы, Наталья Сергеевна, я ж по крупному рогатому скоту!

А Мельников, стоя спиной к ним, завязывал шнурок на ботинке. Ветер трепал его шарф и

волосы. У него было такое чувство — неразумное, конечно, но противное, — будто вся компания смеется над ним. И Наташа тоже.

Потом урок английского языка шел своим чередом. Зная, что они похитили у Натальи Сергеевны уйму времени, ребята старались компенсировать это утроенным вниманием и активностью.

— What is the English for...¹ ехать верхом? — спрашивала звонко Наташа.

И в приливе симпатии к ней поднимался лес рук. Все почему-то знали, как будет «ехать верхом»!

— To ride — rode — ridden! — бодро汇报овал Сыромятников. Даже он знал!

Вошла в класс Светлана Михайловна. Все встали.

— Ах, все-таки пожаловали? — удивленно сказала она. — Извините, Наталья Сергеевна. Я подумала, что надо все-таки разобраться. Чем дело? Кому вы объявили бойкот? Садитесь, садитесь. Воспользовались тем, что завуч юллетенил, что учительница молодая... так? — Она ходила по рядам. — Только не нужно крытничать. Никто не собирается пугать вас административными мерами. Я просто хочу, чтобы мы откровенно, по-человечески поговорили: как это вас угораздило — не прийти на рок? Чья идея?

¹ Как по-английски...

Молчит девятый «В» в досаде и унынии:
«опять двадцать пять!..»

— Так мы уже всё выяснили! — сказал Батищев.

— Наталья Сергеевна сама знает, — подхватил кто-то из девочек.

— Да... у нас уже все порядке, Светлана Михайловна, — подтвердила сама Наталья Сергеевна.

— Вот как? У вас, значит, свои секреты, свои отношения... — Светлана Михайловна улыбнулась ревниво. — Ну-ну. Не буду мешать.

По классу прошелестел облегченный вздох, когда она вышла.

Школьная нянечка, тетя Граня, выступала в роли гида: показывала исторический кабинет трем благоговейно притихшим первоклассникам.

— Виши, как давно напечатано! — Она подвела их к застекленному стендзу с фотокопиями «Колокола», «Искры» и пожелтевшим траурным номером «Правды» от 22 января 1924 года. — Ваших родителей, не только что вас, еще не было на свете... Вон ту газету читали тайно, за это царь сажал людей в тюрьму!

— Или в концлагерь, да? — компетентно добавил один из малышей.

— Не, этого тогда еще не было... А ну, по чтению у кого пятерка?

— У него, — сказали в один голос две девочки, — у Скороговорова!

— Ну, Скороговоров, читай стишок.

Она показывала на изречение, выполненное плакатным пером:

«Кто не видит вещим оком
Глуби трех тысячелетий,
Тот в невежестве глубоком
День за днем живет на свете».

И.-В. Гёте

Семилетний Скороговоров, красный от усилий и от общего внимания, громко прочел два слова, а дальше затруднился.

Тут вошел Мельников.

— Это, Илья Семеныч, из первого «А» ребята, — певуче объяснила ему тетя Граня. — У них учительница вдруг заболела и ушла, а что им делать — никто не сказал... Вот мы и сделали посещение, а трогать ничего не трогали.

— Ну-ну, — неопределенно сказал Мельников и подошел к окну. Внезапно он понял что-то.

— А как зовут вашу учительницу? — спросил он у малышей.

— Таисия Николаевна!

А одна из девочек несмело сказала:

— На арифметике у нее глаза были красные-красные, а голос тихий-тихий. А второго урока уже не было.

Мельников поморщился и ничего не сказал.

— Илья Семеныч, а вот как им объяснить, таким клопам, выражение «вещим оком»? Я сама-то понимаю, а изъяснить...

Рассеянный, печальный, Мельников не сразу понял, чего от него хотят.

— Ну, пророческим, значит, взглядом. Сверхпроницательным...

Первоклассники глядели на него мигая.

— Спасибо вам,— поджала губы тетя Гра-
ня и заторопила детей:— Пошли в химию, не
будем мешаться...

Она увела всю троицу.

...Эта комната фактически принадлежала
ему, Мельникову. Карты на стенах. Два-три из-
речения. Вместительный книжный шкаф — там
сочинения классиков марксизма, Герцена, Клю-
чевского, Соловьева, Тарле... Доска — но не
школьная, а лекционная, поменьше.

Илья Семенович провел пальцами по книж-
ным корешкам. Поднял с пола кнопку и при-
шипилил свисавший угол карты... Потом взял ме-
лок и принялся рисовать на доске что-то несу-
разное.

Он оклеветал самого себя: сначала вышел
нос с горбинкой, потом его оседлали очки, из-
под них глянули колючие глаза... Вот очерк
надменного рта, а сверху, на черепе, посажен
белый чубчик, похожий на язык пламени... Все
преувеличено, все гротеск, а сходство схваче-
но, и еще как остро!

Мельников подумал и туловище нарисо-
вал... птичье! Отшел, поглядел критически —
и добавил кольцо, такое, как в клетке с попу-
гаем. Теперь замысел прояснился: тов. Мель-
ников — попугай.

Но Илья Семенович был недоволен. Туло-
вище он стер и на сей раз несуетливыми, плав-
ными штрихами любовно обратил себя в вер-
блюда!

И опять ему показалось, что это не то... И
не дилетантская техника рисунка смущала его,
а существо дела: это шел поиск себя...

На доске были написаны темы:

«1. Образ Катерины в драме Островского
«Гроза».

2. Базаров и Рахметов (сравнительная ха-
рактеристика).

3. Мое представление о счастье».

Девятый «В» писал сочинение.

Светлана Михайловна бесшумно ходила по
рядам, заглядывала в работы, давала советы.
Иногда ее спрашивали:

— А к «счастью» эпиграф обязателен?

— Желательно.

— А выйти можно?

— Только поживей. Одна нога там, дру-
гая — тут...

Генка Шестопал вертелся и нервничал. У не-
го было написано: «Счастье — это, по-мо-
ему...»

Определение не давалось.

Он глядел на Риту, на прядку, свисающую
ей на глаза, на ожесточение, с которым Рита
дула вверх, чтобы эту прядку прогнать, и встры-
хивала авторучкой, чтобы не кончались черни-
ла... Генка смотрел на нее, и в общем идея сча-
стия казалась ему ясной как день, но на бума-
гу перенести ее было почему-то невозможно...

Да и стоит ли?

Светлана Михайловна остановилась перед
ним:

— И долго мы будем вертеться?

Генка молчал, насупившись.

— Ну, соберись, соберись! — бодро сказала учительница и взъерошила Генкины волосы.— Знаешь, почему не пишется? Потому что туман в голове, сумбур... Кто ясно мыслит, тот ясно излагает!..

...И снова тишина. Трудовая, наполненная.

Была большая перемена.

Младшие ребята гоняли из конца в конец коридора, вклиниваясь в благопристойные ряды старшеклассников, то прячась за ними, то чуть не сбивая их с ног...

Школьный радиоузел вещал:

«...вымпел за первое место по самообслуживанию среди восьмых классов получил восьмой «Б», за дежурство по школе — восьмой «Г». Второе и третье места поделили...»

Мельников стоял, соображая с усилием, куда ему надо идти. Подошла Наташа.

— Что с вами? У вас такое лицо...

— Какое?

— Чужое.

— Это для конспирации.

Наташа спросила, сузив глаза:

— А как насчет «дистанции»? Держать ее... или как?

Мельников ответил серьезно, не сразу:

— Не знаю. Я, Наталья Сергеевна, больше вам не учитель.

— Вижу! — огорченно и дерзко вырвалось у нее.

Помолчали.

— Где же наши? — Наташа оглядывалась и не находила никого из девятого «В».

— Пишут сочинение. У меня отобрали под это дело урок.

— Вам жалко?

— Жалко, что не два.

Слова были сухие и ломкие, как солома.

— Пойдемте посмотрим,— предложила Наташа, и Мельников пожал плечами, но пошел за ней к двери девятого «В» — по инерции, что ли...

Наташа заглянула в щель и сумела прочесть последнюю тему:

— «Мое представление о счастье»... Надо же! Нам Светлана Михайловна таких тем не давала, мы писали все больше про «типичных представителей»... А смотрите, физиономии какие — серьезные, одухотворенные...

Слышит ли он ее? О чем думает?

— А Сыромятников списывает! — углядела Наташа.— Чужое счастье ворует...

— Это будет перед вами изо дня в день, налюбуетесь,— отозвался Мельников.

Гудела, бурлила, смеялась большая перемена. Ребячья толкотня напоминала «броуново движение», как его рисуют в учебнике Петровского.

— Не понимаю, как они пишут такую тему,— вздохнула Наташа.— Это ж невозможно объяснить — счастье! Все равно что прилепить к бумаге солнечный зайчик...

— Никаких зайчиков. Все напишут, что счастье в труде.

Он был сейчас похож на праздного, постороннего в школе человека. Что это — позиция? Поза? Тоска?

Открылась дверь, выглянула Светлана Михайловна. Дверью она отгородила от себя Наташу, видит одного Мельникова.

— Может быть, зайдете? — предлагает она. Но, перехватив его взгляд, оборачивается: ах, вот что! Воркуете? Но нельзя ли подальше отсюда, здесь работа идет, сказал ее взгляд. Резко закрылась за ней дверь. Звонок.

— У меня урок, — говорит Наташа.

— А я свободен, — с шалой усмешкой, с вызовом даже отвечает Мельников, словно он не прикаянный, но гордый люмпен, а она — уныло-старателльный клерк.

И они разошлись.

Девятый «В» писал сочинение второй урок подряд, не разогнувшись и в перемену.

Молча протянула Светлане Михайловне свои листки Надя Огарышева, смуглая тихоня с большим бантом.

Генка взял себя в руки и дописал наконец первую фразу: «Счастье — это, по-моему, когда тебя понимают».

Когда он поднял голову, Светлана Михайловна растерянно глядела в сочинение Огарышевой.

— Надюша... золотце мое самоварное! Ты понимаешь, что ты понаписала, а? Ты себе отчет отдаешь? — Она сконфуженно, натянуто улыбалась, глядя то в листки, то на ученицу, а в

глазах у нее была паника. — Я всегда за искренность, ты знаешь... я потому и предложила вам такую тему! Но что это за мечты в твоем возрасте, ты раскинь мозгами-то...

— Я, Светлана Михайловна... думала... что вы... — Надя Огарышева стоит с искаженным лицом, наматывает на палец колечко волос и выпаливает наконец. — Я дура, Светлана Михайловна! Ой, какая же я дура...

— Это печально, но все-таки лучше, чем испорченность, — Светлана Михайловна говорит уже мягче: девочка и так себя казнит...

Класс с интересом следит за разговором, почти все оторвались от своей писаницы.

— А чего ты написала, Надя? — простодушно спрашивает Черевичкина.

— Ну, не хватало только зачитывать это вслух! — всплеснула руками Светлана Михайловна и строго окинула взглядом растревоженный класс:

— В чем дело, друзья? Почему не работаем?

— А почему не прочесть? — напирает Михайцев. — А вдруг мы все, как Огарышева, не правильно пишем?

— Успокойся, тебе такое в голову не придет...

Даже сквозь смуглоту Надиной кожи простиупила бледность. Она вдруг сказала:

— Отдайте мое сочинение, Светлана Михайловна.

— Вот правильно! Возьми и порви, я тебе разрешаю. И попробуй написать о Катерине, может быть, успеешь.... И никогда больше не

пиши такого, что тебе самой же будет стыдно прочесть!

— А мне не стыдно, Светлана Михайловна. Я прочту!

— Ты... соображаешь?! — всплеснула руками Светлана Михайловна.— В классе мальчики!

— Но если вам можно знать, то им и по-давно,— объявила Рита.

Класс поддержал ее дружно и громко.

— Замолчите! Отдай листки, Огарышева!

— Не отдам,— твердо сказала Надя.

— Ну хорошо же... Пеняй на себя! Делайте что хотите! — обессилен, сказала Светлана Михайловна и, высоко подняв плечи, отошла в угол класса...— Молчишь? Нет, теперь уж читай!

Повадился мельниковский класс срывать уроки!

Сейчас это выражалось в демонстративном внимании, с каким они развесили уши...

Надя Огарышева читала крамольное сочинение срывающимся голосом, без интонаций:

— «...Если говорить о счастье, то искренно, чтобы шло не от головы. У нас многие стесняются написать про любовь, хотя про нее думает любая девчонка, даже самая несимпатичная, которая уже не надеется. А надеяться, помоему, надо!...»

Тишина стоит такая, что даже Сыромятников, который скалится своей лошадиной улыбкой, вслух засмеяться не рискует. Девчонки — те вообще открыли рты...

— «Я, например, хочу встретить такого человека, который любил бы детей, потому что без них женщина не может быть по-настояще-

му счастливой. Если не будет войны, я хотела бы иметь двоих мальчиков и двоих девочек...»

Сыромятников не удержался и свистнул в этом месте, за что получил книгой по голове от коротышки Светы Демидовой.

Надя продолжала, предварительно упрямо повторив:

— «...двоих мальчиков и двоих девочек! Тогда до конца жизни никто из них не почувствует себя одиноким, старшие будут оберегать маленьких, вот и будет в доме счастье.

Я ничего не писала о труде. Но разве у матери мало работы?»

Надя кончила, а класс молчал.

Она стояла у доски со своими листками и не глядела на товарищей и все мотала на пальц колечко волос...

— Ну и что? — громко и весело спросил учительницу Генка.

И весь девятый «В» подхватил, зашумел — облегченно и бурно:

— А действительно, ну и что? Чем это неправильно?

— Ну, знаете! — только и сумела сказать Светлана Михайловна. Куда-то подевались все ее аргументы... Она могла быть сколь угодно твердой до и после этой минуты, но сейчас, когда они все орали «Ну и что?», Светлана Михайловна, вдруг утратив позицию, почувствовала себя ужасно, словно стояла в классе голая...

А Костя Батищев нашел, чем ее успокоить:

— Зря вы разволнивались, Светлана Михайловна: она ведь собирается заметь детей от законного мужа, от своего — не чужого!

✓ — А ну хватит! — кричит Светлана Михайловна и ударяет изо всех сил ладонью по столу. — Край света, а не класс... Ни стыда, ни совести!

Дверь кабинета истории приоткрыла немолодая женщина в платке и пальто, с пугливо-внимательным взглядом.

— Разрешите, Илья Семенович?

— Товарищ Левикова? Ну входите...

Женщина боком вошла, подала ему сухую негибкую ладонь:

— Здравствуйте...

— Напрасно вы ходите, товарищ Левикова, честное слово.

— Почему... напрасно? — Она присела за парту и вынула платок. — Я ж не просто так, я с работы отпрашиваясь...

— Не плакать надо передо мной, а больше заниматься сыном.

— Но вчера-то, вчера-то вы его опять вызывали?

В дверь заглянула Наташа.

— Илья Семенович... Извините, вы заняты?

Он покосился и жестом предложил ей сесть, не ответив.

— Я только две минуточки! — жалобно обратилась родительница теперь уже к Наташе. Та смущенно посмотрела на Мельникова, села Та соодаль.

— Я говорю, вчера-то вы опять его вызывали...

— Вызывал, да. И он сообщил нам, что Герцен уехал за границу готовить Великую Октябрьскую революцию вместе с Марксом. Понимаете — Герцен! Это не укладывается ни в одну отметку.

— Вова! — громко позвала женщина.

Вова, оказывается, был тут же, за дверью. Он вошел, морща нос и поводя белесыми глазами по сторонам. Левикова вдруг дала ему подзатыльник.

— Чего дерешься-то? — обозлился Вова.

— Ступай домой, олух, — скорбно сказала ему мать. — Дома я тебе еще не такую революцию сделаю...

— Это не метод! — горячо сказала Наташа, когда Вова вышел почесываясь.

Левикова поглядела на нее, скривила губы и не сказала ничего. Затем ее лицо, обращенное к Мельникову, опять стало пугливо-внимательным. И все время был наготове новой платок.

— Стало быть, как же, Илья Семенович? Нам ведь никак нельзя оставаться с единицей, я уже вам говорила... Ну, выгонят его из Дома пионеров, из ансамбля... И куда он пойдет? Вот вы сами подумайте... Обратно во двор, да? Хулиганить, да?!

Мельников испугался, что она заплачет, и перебил, с закрытыми глазами откинувшись на спинку стула:

— Да не поставил я единицу! Тройка у него. Тройка.

— Вот спасибо-то! — встала, всплеснув руками, женщина.

— Да нельзя за это благодарить, стыдно! Вы мне лишний раз напоминаете, что я лгу ради вас,— взмолился Илья Семенович.

— Не ради меня, нет...— начала было Левикова, но он опять ее перебил:

— Ну, во всяком случае, не ради того, чтобы Вова плясал в этом ансамбле... Ему не ноги упражнять надо, а память и речь, и вы это знаете!

Уже стоя в дверях, Левикова снова посмотрела на Наташу, на ее ладный современный костюмчик, и недобрый огонь засветился в ее взгляде. Она вдруг стала выкрикивать, сводя с кем-то старые и грозные счеты; такой страсти никак нельзя было в ней предположить по ее первоначальной пугливости:

— Память? Память — это верно, плохая... А вы бы спросили, почему это? Может, у него отец потомственный алкоголик? Может, парень до полутора лет головку не держал, и все говорили, что не выживет?.. До сих пор во дворе «доходягой» дразнят!.. Ну да ладно...

Слезы загородили ей горло, и она закрыла рот, устыдившись и испугавшись собственных слов.

— Извините. Не виноваты вы... И которая по русскому, тоже говорит: память... и по физике...

И она вышла.

Молчание. Наташе показалось, что угрюмая работа мысли, которая читалась в глазах Мельникова, не приведет сейчас ни к чему хорошему. Поэтому с искусственной бодростью Наташа сказала:

— А я вот за этим столом сидела!.. Он озадаченно поглядел на стол, на нее...
— Извините меня, Наташа.
И вышел из кабинета истории.

Он рванул дверь директорского кабинета.

Сыромятников, почему-то оказавшийся в приемной, шарахнулся от него.

Директор, Николай Борисович, собирался уходить. Он был уже в плаще и надевал шляпу, когда появился Мельников.

— Ты что хотел? — спросил директор, небрежно прибиравая на своем столе.

— Уйти в отпуск.— Мельников опустился на стул.

— Что? — Николай Борисович тоже сел, просто от неожиданности.— Как — в отпуск?
Когда?

— Сейчас.

— В начале года? Да что с тобой?

Николая Борисовича даже развеселило такое чудачество.

— Я, видимо, незддоров...

— Печень? — сочувственно спросил директор.

— Печень не у меня. Это у географа, у Ивана Антоновича...

— Прости. А у тебя что?

— Да общее состояние...

— Понимаю. Головокружения, бессонница, упадок сил? Понимаю.

— Могу я писать заявление?

— ...А ты не хитришь? Может, диссертацию надумал кончать? — прищурился Николай Борисович.

Мельников покрутил головой.

— Это уже история...

— А зря. Я даже хотел тебе подсказать: сейчас для твоей темы самое время!

— Прекрасный отзыв о научной работе... и могучий стимул для занятий ею,— скривился Мельников и, отойдя к окну, стал смотреть во двор.

Николай Борисович не обиделся, лишь втянул в себя воздух, словно заряжаясь новой порцией терпения: он знал, с кем имеет дело.

— Слушай, ты витамин Б-12 пробовал? Инъекции в мягкое место? Знаешь, моей Галке исключительно помогло.

— Мне нужен отпуск. Недели на три, на месяц. За свой счет.

— Это не разговор, Илья Семенович! Ты словно первый день в школе... Для отпуска в середине года требуется причина, настолько серьезная, что не дай тебе бог...

Директор снял шляпу и говорил сурово и озабоченно.

— А если у меня как раз настолько? Кто это может установить?

— Медицина, конечно.

Мельников повернулся к окну. Ему видны белая стена и скат крыши другого этажа — там прыгала ворона, искала себе пропитание... Из-под носа у нее утащили что-то съестное жадные, раскричавшиеся на радостях воробы.

— Мамаша как поживает?

— Спасибо. Кошечку ищет.

— Что?

— Кошку, говорю, хочет завести. Где их достают, не знаешь?

Директор пожал плечами и всмотрелся в заострившийся профиль Мельникова.

— Да-... Вид у тебя, прямо скажем, для рекламы о вреде табака...— И, поглядывая на него испытующе, добавил тихо:— А знаешь, я Таню видел... Спрашивала о тебе. Она замужем и, судя по всему, удачно.

Мельников молчал.

— Слышишь, что говорю-то?

— Нет. Ты ведь меня не слышишь.

Николай Борисович помолчал и отвернулся от него. Они теперь спиной друг к другу.

— А ты подумал, кем я тебя заменю? — рассердился Николай Борисович.

— Замени собой. Один факультет кончали.

Директор посмотрел на него саркастически.

— У меня ж «эластичные взгляды», я легко перестраиваюсь, для меня «свежая газета» — последнее слово науки»... Твои слова?

— Мои, — Мельников выдержал его взгляд.

— Видишь! А ты меня допускаешь преподавать, калечить юные души... Я, брат, не знал, куда прятаться от твоего благородного гнева, житья не было, — горько сказал Николай Борисович и продолжал, серьезно, искренне:— Но я тебя всегда уважал и уважаю... Только любить тебя трудно... Извини за прямоту. Да и сам ты мало кого любил... Ты честность свою любил, холил ее, пылинки с нее сдувал... — как-то грустно закончил он.

— Ладно, не люби меня, но дай мне отпуск,—гнул свое Мельников.

— Не дам,—жестко отрезал директор.—На покой захотелось! И честность—под подушку, чтоб не запылилась! Пускай другие строят светлое здание, так? Выстроят и доложат: «Приехали, Илья Семенович, здравствуйте!» А ты и руки не подашь... Скажешь — руки замарали, пока строили...

— Сматря чем замараешь, а то и не подам.

— Вот-вот, весь ты такой... Нет, Илья, нам по полста скоро... Пора понимать: твоими принципами не победаешь, не поправишь здоровья, не согреешься...

— А принципы — не шашлык, не витамин Б-12, не грелка.

Они помолчали, устав друг от друга.

Мельников взял со стеллажа учебник истории, взвесил его на ладони. И процитировал:

— «История — это наука, делающая человека гражданином». Так?

— Ну?

— Нет, ничего... Ты никогда не размышлял о великой роли бумаги?

— Бумаги?

— Да! Надо поклониться ее беспредельному терпению! Все выдерживает! Можно написать на ней «На холмах Грузии лежит ночная мгла», а можно — кляузу на соседа... Можно перепечатать учебник, чтобы изъять одну фамилию, один факт, чтобы переменить трактовочку... Если есть бумага, почему не сделать? Но ведь души у ребят, у нас с тобой не бумажные, Коля!

— Да чего ты петушишься? Кто с тобой спорит? — поднял на него унылые глаза Николай Борисович.

— Никто. Все согласны! Благодать...

Светлана Михайловна сидела в учительской одна, как всегда, склонившись над ученическими работами.

Тихо вошла Наташа с классным журналом в руках. Сунула его в отведенную ему щель фарнера шкафчика и присела на стул.

Внимательно посмотрела на нее Светлана Михайловна. И сказала:

— Хочешь посмотреть, как меня сегодня порадовали?

Она перебросила на край стола листки сочинения.

...Наташа прочитала и не смогла удержать светлой, почти восхищенной улыбки:

— Интересно!

— Еще бы,—с печальной язвительностью кивнула Светлана Михайловна: она ждала такой реакции.—Куда уж интересней: душевный стриптиз!

— Я так не думаю.

— И не надо! Разный у нас опыт, разные нравственные принципы...—словно бы согласилась Светлана Михайловна и задумчиво закончила:— А цель одна...

Потом протянула еще один листок, где была та единственная, знакомая нам фраза. И пока Наташа вникала в нее, рассматривала учительницу бывшую свою ученицу со всеми

дящим женским пристрастием... А потом объявила:

— Счастливая ты, Наташа...

— Я? — Наташа усмехнулась печально.— Дальше некуда... Вы знаете...

— Знаю, девочка,— перебила Светлана Михайловна, словно испугавшись ее откровений.

И обе женщины замолчали, обе отвели глаза.

Светлана Михайловна сказала с неожиданной простотой, и пришел Наташин черед испугаться:

— Только с ребенком не затягивай, у учителей это всегда проблема. Эта скороспелка,— она взяла из Наташиных рук листочки Нади Огарышевой,— в общем-то права, хотя не ее ума это дело.

Наташа смотрела на Светлану Михайловну растерянно, земля уходила у нее из-под ног...

— Да-да,— горько скривила губы та,— а то придется разбираться только в чужом счастье...

И девушка увидела, что у нее уже дряблая кожа на шее, и что недавно она плакала, и что признания эти оплачены такой ценой, о которой Наташа и понятия не имеет...

— Тут оно у меня двадцати четырех сортов, на любой вкус,— показала Светлана Михайловна на сочинения.— Два Базарова, одна Катерина... А все остальное — о счастье...

Тихо было в учительской и пусто.

— Ты иди,— сказала Светлана Михайловна Наташе.

Снова директорский кабинет.

Шляпа Николая Борисовича брошена на диван, а хозяин ее, голодный и измотанный, настроен сейчас элегически.

— Историк,— усмехается он.— Какой я историк? Я завхоз, Илья... Вот достану новое оборудование для мастерских — радуюсь. Кондиционеры выбью — горжусь! Иногда тоже так устанешь... Мало мы друг о друге думаем. Вот простая вещь: завтра — двадцать лет, как у нас работает Светлана Михайловна. Двадцать лет человек днют и ночует здесь, вкалывает за себя и за других... Думаешь, кто-нибудь почесался, вспомнил?

— Ну, так соберем по трешке... и купим ей крокодила,— бесстрастно предложил Мельников.

— Надоел ты мне со своими шутками,— сказал Николай Борисович, начиная одеваться.

— Вот и дай мне отпуск.

— Не дам! — заорал директор.

— На три недели. А если нельзя — освобождай совсем к чертовой матери!

— Ах, вот как ты заговорил... Куда ж ты пойдешь, интересно? Крыжовник выращивать? Мемуары писать?

— Пойду в музей. Экскурсоводом.

— А ты что думаешь, в музеях экспонаты не меняются?

— Я не думаю.

— Какого ж рожна...

— Там меня слушают случайные люди... Раз в жизни придут и уйдут. А здесь...

Пауза.

— Меня не устраивают твои объяснения!

— А учитель, который перестал быть учителем, тебя устраивает?!

— Ну-ну-ну... Как это «перестал»?

— Очень просто. Сеет разумное, доброе, вечное, а вырастает белена с чертополохом.

— Так не бывает, не то сеет, стало быть.

Мельников кивнул:

— Правильно, или вовсе не сеет, только делает вид, по инерции... А лукошко давно уж опустело...

— Ну, знаешь... Давай без аллегорий. Мура это все, Илюша. Кто же у нас учитель, если не ты? И кто же ты, если не учитель?

Мельников поднял на него измученные глаза и сказал тихо:

— Отпусти меня, Коля! Честное слово... Могут, в конце концов, быть личные причины?

И Николай Борисович сдался. Оттягивая узел галстука вниз, он выругался беззвучно и крикнул:

— Пиши свое заявление... Ступай в отпуск, в музей... в цирк! Куда угодно...

Мельников, ссгувшись, вышел из кабинета — и увидел Наташу. Она сидела в маленькой полуприемной-полуканцелярии и ждала. Кого?

Вслед за Мельниковым, еще ничего не успевшим сказать, вышел директор.

— Вы ко мне?

— Нет.

Заинтригованный, он перевел взгляд с Наташи на Мельникова и обратно. Как ни устал Николай Борисович от этих бурных прений, а все же отметил с удовольствием, что новая

англичаночка, независимо от ее деловых качеств, украшает собой школу.

Всем почему-то стало неловко.

Николай Борисович вдруг достал из портфеля коробку шоколадных конфет, зубами (руки были заняты) развязал шелковый бантик на ней и галантно открыл:

— Угощайтесь.

Все трое взяли по конфете.

Директор еще постоял в некоторой задумчивости, покрутил головой и поведал Наташе:

— Честно говоря, жрать хочется! Всего доброго...

А Мельникову показал кулак и ушел.

— Пойдемте отсюда, — спокойно сказала Наташа и подала Илье Семеновичу его портфель, который она не забыла захватить и с неловкостью прятала за спиной.

Из школы вышли молча. Ему надо было собраться с мыслями, а она не спешила расспрашививать.

Во дворе Мельников глубоко втянул в себя воздух и вслух порадовался:

— А здорово, что нет дождя.

Под дворовой аркой они опять увидели директора, которого держал за пуговицу человек в макинтоше и с планшеткой, видимо прораб. Он что-то напористо толковал про подводку газа и убеждал директора пойти куда-то, чтобы лично убедиться в его, прораба, правоте.

Мельников и Наташа прошли мимо них. Николай Борисович проводил их страждущим и завистливым взглядом.

Отойдя на приличное расстояние, они, не сговариваясь, оглянулись, увидели, как обреченно плетется директор за прорабом, и Мельников улыбнулся:

— Погиб голодающий...

Вот они на остановке автобуса. Молчат. Изредка взглядывают друг на друга. Мельников — все еще недоумевая, Наташа — настороженно и внимательно.

Подходит автобус.

— Это ваш? — спросил Мельников «посторонним» голосом.

— Мой.

В этот час в школе задерживались после уроков несколько человек из девятого «В».

— Ребята, ну давайте же поговорим! — убеждала их изо всех сил Света Демидова, комсорг.— Сыромятников, или выйди, или сядь по-человечески.

Сыромятников сидел на парте верхом и, отбивая ритм на днище перевернутого стула, исполнял припев подхваченной где-то песенки:

«Бабка!
Добра ты, но стара.
Бабка!
В утиль тебе пора!
По науке строгой
Создан белый свет.
Бабка,
Ну, ей богу,
Никакого бога нет!»

Костя Батищев и Рита тихонько смеялись на предпоследней парте у окна. Он достал из портфеля человечка, смастеренного из диодов и триодов, и заставлял его потешать Риту.

Черевичкина ела свои бутерброды; Михайцев возился с протекающей авторучкой; Надя Огарышева и Генка сидели порознь, одинаково хмурые.

— Ну что, мне больше всех надо, что ли? — отчаивалась Света.— Сами же кричали, что скучно, что никакой работы не ведем... Ну, предлагайте!

— Записывай! — прокричал ей Костя.— Мероприятие первое: все идем к Надьке Огарышевой на крестины!

Надя с ненавистью посмотрела на него, схватила в охапку свой портфельчик и выбежала.

Пауза.

— Взбесилась она, что ли... Шуток не понимает... — в тишине огорченно и недоумевающе сказал Костя.

— Ну зачем? — вступил за Надю Михайцев.— Человеку и так сегодня досталось зря...

— А пусть не лезет со своей откровенностью! — отрезал Костя.— Мало ли что у кого за душой, зачем это все выкладывать в сочинении? Счастье на отметку! Бред...

— А сам ты что написал? — спросил Генка угрюмо.

— Я-то? А я вообще не лез в эту тему, она мне до лампочки. Я тихо-мирно писал про Базарова...

«По науке строгой
Создан белый свет.
Бабка,
Ну, ей-богу,
Никакого бога нет!» —

прицепилась эта песенка к Сыромятникову и не хотела отстать.

— Кончай,— сказал ему Генка.— Батищев прав: из-за этого сочинения одни получились дураками, другие — подонками...

— Почему? — удивилась Черевичкина.— Чего ты ругаешься-то?

— Ну мы же не для этого собирались, Шестопал! — продолжала метаться Света Демидова.

— Сядь, Света,— морщась, попросил Генка.— Ты хороший человек, но ты сядь... Я теперь все понял: кто писал искренне, как Надька,— оказался в дураках, над ними будут издеваться... Кто врал, работал по принципу мотора у-2— тот подонок. Вот и все! — Он рубанул рукой воздух.

— Что значит «у-2»? — заинтересовалась Рита.

— Первое «у» — угадать, второе «у» — угадить... Когда чужие мысли, аккуратные цитатки, дома подготовленные, и пятерочка, можно считать, в кармане... Есть у нас такие, Эллочки? — почему-то он повернулся к Черевичкиной, которая мучительно покраснела:

— Я не знаю... Наверно...

— Что ж ты предлагаешь? — обеспокоенно спросила Света.

— Разойтись,— усмехнулся Генка.— Все уже ясно, все счастливы...

Черевичкина спрятала в полиэтиленовый мешочек недоеденный бутерброд и стала собираться.

Михайцев был задумчив.

Костя тихонько уговаривал Риту идти с ним куда-то, она не то ломалась, не то действительно не хотела,— слов не было слышно.

А Света Демидова вдруг объявила:

— Знаете что? Переизбирайте меня. Не хочу больше, не могу и не буду!.. Я сама не знаю, чего предлагать...

Сыромятников спел персонально ей:

«Бабка
Добра ты, но стара.
Бабка!
В утиль тебе пора!»

А потом, следя за переговорами Риты и Кости, добавил куплет из той же песенки:

«Выйду я с милой гулять за околицу,
В поле запутаем след...
Мы согрешим,—
Ну, а бабка помолится
Богу, которого нет».

— Самородок...— глядя сквозь него, сказала Рита.

Мельников и Наташа шли по улице. Нет, она не поехала на своем автобусе. А он не пошел домой. Не наметив себе никакой цели, не от-

мерив регламента, они просто шли рядом, бессознательно минуя большие многолюдные магистрали, а в остальном им было все равно, куда идти.

Была пятница. Люди кончили работу. С по-годой повезло: небо освободилось от тяжелых низких туч, вышло предвечернее солнышко, чтобы скруто побаловать город, приунывший от дождей.

Нам не надо слышать, о чем говорили, гуляя, Наташа и Мельников. Не потому, что это нескромно, а потому, что это был тот случай, когда слова первостепенного значения не имеют. Так что пусть они говорят, а мы услышим только музыку города, его разноголосицу, его настроение, ритм его жизни в эти часы. И еще потому не нужны здесь слова, что о некоторых вещах интереснее догадываться, чем узнавать впрямую. Только не воображайте, что это была идиллия. Совсем нет! Да и возможна ли она с таким трудным человеком, как Илья Семенович, да еще в его черную пятницу, когда

«...Видно, что-то случилось
С машиной, отмеривающей
Неудачи.
Что-то сломалось,—
Они посыпались на него так,
Как несыпались никогда».

Скрытая камера — неподкупный свидетель. Она расскажет о том, как эти двое не попали в ресторан с неизменной табличкой «Мест нет», и хорошо, что не попали: наличность в мельниковском бумажнике развернуться не

позволяла, мог бы выйти конфуз... А потом они ели пирожки и яблочки в странном церковном дворике, что на улице Разина, откуда обозревается ультрасовременная гостиница. А потом они шли по какому-то парку и шуршили прелыми листьями... А потом Наташа показывала ему дом, в котором живет. И они уже попрощались, она вошла в подъезд, но вернулась бегом и, находясь под своими окнами, звонила из автоматной будки маме, чтоб та не волновалась и ждала ее нескоро, неизвестно когда...

А потом он повел ее к букинистическому магазину, возле которого, по старой традиции и вопреки милиции, колобродил чернокнижный рынок. Здесь у Наташи зарябило в глазах от пестроты типов и страстей. А Мельников уверенно протолкался внутрь, в полуподвальный магазинчик, и о чем-то толковал на языке посвященных с продавцом, у которого было лицо печального сатира...

Потом мы увидим их в Александровском саду, и Наташа впервые вникнет, под руководством Ильи Семеновича, в те имена, что высечены на памятнике борцам за социализм: Сен-Симон, Фурье, Кампанелла, Бакунин, Кропоткин... Хорошо это, если вдуматься: памятник утопистам в центре Москвы!

Вечерело. Медленно, но верно «коттаивал» Мельников, уходила принужденность, колючая его замкнутость, и Наташе становилось с ним проще, а минутами — весело, смешно; и, как ни устали они от ходьбы, мысль о том, что пора проститься и разойтись по домам, почему-то не приходила в голову...

Ребята начали расходиться, но груз нерешенного, недосказанного словно не пускал домой, и они тащились по коридору медленно, неохотно отирая от пола подошвы...

— Ге-ен! — позвал Костя Генку, который пошел не со всеми, а к лестнице другого крыла. — Гена-цвале!

Генка остановился. Рита и Костя подошли к нему.

— Ну чего ты так переживаешь? — спросила его Рита, ласково, как ему показалось.

— Не стоит, Ген, — поддержал его Костя. — Теорию выеденного яйца знаешь? Через нее и смотри на все, помогает.

— Попробую. — Генка хотел идти дальше, но Костя попридержал его:

— Слушай, пошли все ко мне. Я магнитофончик кончай — поможешь монтировать. А?

— Не хочется.

— Накормлю! И есть полбутылки сухого. Думай.

— Нет, я домой.

— А я знаю, чего тебе хочется, — прищурился Костя.

— Ну?

— Чтоб я сейчас отчалил, а Ритка осталась с тобой. Угадал? — И поняв по хмурому лицу Генки, что угадал, Костя засмеялся, довольный. — Так это можно, мы не жадные, правда, Рит?

Он испытующе глядел по очереди — то в Риткины, веселые и зеленые, то в темные недружелюбные Генкины глаза. На Риту напал приступ хохота — она так и заливалась:

— Генка, соглашайся, а то он раздумает!..

— Только, конечно, одно условие: в подъезды не заходить и грабки не распускать. Идет? Погуляете, поговорите... А можете — в кино. Ну чего молчишь?

Генка стоял, кривил губы и, наконец, выдавил нелепый ответ:

— А у меня денег нет.

— И не надо, зачем? — удивилась Рита. — У меня есть трешка целая.

— Нет. Я ему должен за прокат. Сколько ты берешь в час, Костя? — медленно, зло и тихо проговорил Генка.

Рита вспыхнула:

— Ну, знаешь! — и хлестнула его по лицу. — Кретин! Сволочь! Псих...

— Да-а... — протянул Костя Батищев ошеломленно. — За такие шутки без глаза недолго остаться...

У Риты вдруг сами собой брызнули слезы, покраснел нос, она сделалась странно некрасивой. И кинулась бежать вниз по лестнице.

Генка, привалившись к стене, глядел в потолок.

Костя сказал сочувственно:

— Лечиться тебе надо, Шестопал... У тебя, как у всех коротышек, большое самолюбие!

Он пнул ногой Генкин портфель, стоящий на полу, еще раз оценил Генку с брезгливой досадой, решил не связываться... И пропустил ся догонять Риту.

...Когда Генка, не спеша, приближался к физкультурному залу, он увидел, что и Косте влетело теперь: Рита уединилась там, в пустом

неосвещенном зале, ее «телохранитель» пытался ее оттуда извлечь, рвал на себя дверь... Дверь-то поддалась, а Рита — нет:

— И ты хочешь по морде? Я могу и тебе! — сверкнув сухими уже глазами, осадила она его. И дверью перед его носом — хлоп!

Издали Костя поглядел на Генку, плюнул и ушел.

...Выключатель спортзала был снаружи. Генка после некоторого колебания зажег для Риты свет. Она выглянула и погасила — из принципа. Он зажег опять. Она опять погасила.

Настроение по обе стороны двери было одинаково невеселое. Рита придинула к двери «козла», села на него для прочности, в полумраке напевая:

«Я ехала домой...
Я думала о вас...»

А потом она услышала вдруг стихи!

...От книги странствий я не ждал обмана,
Я верил, что в какой-нибудь главе
Он выступит навстречу из тумана —
Твой берег в невесомой синеве... — читал ей с той стороны Генкин голос.

Но есть ошибка в курсе корабля!
С недавних пор я это ясно вижу:
Стремительно вращается Земля,
А мы с тобой не делаемся ближе...

Молчание.

— Еще... — сказала Рита тихо, но повсеместно.

А Наташа и Мельников снова идут по улице. Кругом вечерняя толпа. Огни витрин. Светофоры. Рекламы из неоновых трубок приглашают посмотреть новый фильм, слетать на «ТУ-114» во Владивосток, гасить окурки и хранить деньги в сберкассе. У большинства уже началась нерабочая суббота.

С другой стороны улицы радостно крикнул кто-то:

— Наташа!

Наташа оглянулась: у Театра оперетты стояли пятеро молодых, веселых, хорошо одетых людей. Две девушки, три парня.

Наташа, блестя глазами, извинилась перед Мельниковым:

— Я сейчас...

И перебежала на другую сторону.

Мельников стоит, курит, смотрит.

Наташа оживленно разговаривает с приятелями. Они хохочут. Расспрашивают. У них вагон новостей. Преимущественно — хороших и веселых. И надо успеть поделиться, ничего не забыв. А еще было бы лучше сманить Наташу с собой в один гостеприимный дом, где наверняка будет здорово, где ей будут рады, но есть помеха — этот седой очкарик на противоположной стороне...

Остановился троллейбус и загородил Мельникова от Наташи.

Когда она, что-то объясняя друзьям, поворачивается в его сторону, троллейбуса уже нет, но нет и Мельникова.

Наташа, все еще не веря, смотрит туда, где он стоял.

— Что случилось, Наташа? — спрашивает один из парней, заметив ее потухший взгляд, ее полуоткрытый рот...

В спортзале они теперь были вдвоем — Рита и Генка. Кажется, он уже прощен — благодаря стихотворению.

Молчание.

Рита соскакивает с «коzла».

— Ты стал лучше писать, — заключает она. — Более художественно. — И берет портфель. — Надо идти. Сейчас кто-нибудь притащится, раскричится...

— В школе нет никого.

— Совсем? Так не бывает, даже ночью кто-то есть.

Оба прислушались. Похоже, что и впрямь все ушли... Тихо. Нет, что-то крикнула одна нянька другой, и опять тихо...

— А ты представь, что, кроме нас, никого... — сказал Генка, сидя на брусьях, — драма короткого роста всегда тянула его повыше...

Склонив голову на плечо и щурясь, Рита сказала:

— Пожалуйста, не надейся, что я растаяла от твоих стихов!

— Я не надеюсь, — глухо пробубнил Генка. — Я не такой утопист! И потом, они вообще не для этого пишутся.

— Ладно врать-то. Мое дело предупредить: у нас с тобой никогда ничего не выйдет... Ты, Геночка, еще маленький. Я такой в седьмом классе была, как ты сейчас!..

Риту веселила его мрачная серьезность; он так темнел и даже, казалось, худел на глазах от ее слов — умора!..

Внезапно Генка весь напрягся и объявил:

— Хочешь правду? Умом я знаю, что ты человек — так себе. Не «луч света в темном царстве»...

— Скажите пожалуйста, — вспыхнула Рита.

— ...я это знаю, — продолжал Генка, щурясь, — я только стараюсь это не учитьвать.

— Что-что?

— Не поймешь ты, к сожалению. Я и сам только позавчера это понял...

Он отвернулся и, казалось, весь был поглощен нелегкой задачей: как с брусьев перебраться по подоконнику до колец. С брусьев — потому что допрыгнуть до них с земли он не смог бы ни за что. Даже для нее.

Вышло! Повис. Подтянулся.

— Ну и что же ты там понял... позавчера? Она была задета и плохо это скрывала.

— Пожалуйста! — изо всех сил Генка старался не пыхтеть, не болтаться, а проявить, наоборот, изящество и легкость. — В общем, так. Я считаю... что человеку необходимо состояние влюбленности! В кого-нибудь или во что-нибудь. Всегда, всю дорогу... (Он уже побелел от напряжения, но голос звучал неплохо, твердо...). Иначе неинтересно жить. Мне самое легкое влюбиться в тебя. На безрыбье.

— И тебе не важно, как я к тебе отношусь? — спросила снизу Рита, сбитая с толку.

— Нет. Это дела не меняет... — со злым и шалым торжеством врал Генка, добивая поскучу-

невшую Риту.— Была бы эта самая пружина внутри! Так что можешь считать, что я влюблён не в тебя...— Тут ему показалось, что самое время красиво спрыгнуть. Вышло! — ...не в тебя, а, допустим, в Черевичкину. Какая разница!

Вдруг Генка против воли опустился на мат, скривился весь — дикая боль в плечевых мышцах мстила ему за эффекты на кольцах.

— Что, стихи небось легче писать? — саркастически улыбнулась Рита.— Вот и посвящай их теперь Черевичкиной! Гуд-лак!

Она ушла.

Генка хмуро встает, массирует плечо. Потух его взгляд, в котором только что плясали чертики плутовства и бравады...

Что ж, поздно, надо идти.

Прямой путь в раздевалку с этого крыла уже закрыт — ему пришлось подниматься на третий этаж. Полумрак в школе. По пути Генка цепляется за все дверные ручки — какая дверь поддается, какая нет... Учительская оказалась незапертой. Генка включил там свет. Пусто. На столе лежала развернутая записка:

«Ув. Илья Семёнович!

Думаю, что вам будет небесполезно ознакомиться с сочинениями вашего класса.

Не считите за труд. Они в шкафу.

Свет. Мих.»

Генка подходит к застекленному шкафу — действительно там лежат их сочинения о счастье.

...Свет еретической идеи загорается в темных недобродушных глазах Генки. Кроме него ни души на всем этаже...

Полина Андреевна, мать Мельникова, смотрела телевизор. В комнате был полумрак.

На экране молодой, но лысый товарищ в массивных очках говорил:

— Смоделировать различные творческие процессы, осуществляемые человеком при наличии определенных способностей,— задача дерзкая, но выполнимая. В руках у меня ноты. Это музыка, написанная электронным композитором — машиной особого, новейшего типа. О достоинствах ее сочинений судите сами...

Стол был, как обычно, накрыт для одного человека. Обед уже успел превратиться в ужин.

Хлопнула дверь. Уже по тому, как она хлопнула, Полина Андреевна догадалась о настроении сына.

Он молча вошел. Молча постоял за спиной матери, которая не двинулась с места.

— Найдутся, вероятно, телезрители,— продолжал человек на экране,— которые скажут: машина неспособна испытывать человеческие эмоции, а именно они и составляют душу музыки... (Тут он тонко улыбнулся.) Прекрасно. Но, во-первых, нужно точно определить: что такое «человеческая эмоция», «душа» и сам «человек»...

— Господи,— прошептала Полина Андреевна, глядя на экран испуганно,— неужели определит?

Она автоматически придинула сыну еду.

— А во-вторых, учтите, что предлагаемая вам музыка — это пока не Моцарт,— снова улыбнулся пропагандист машинной музыки.

Но Илья Семенович не дал ему развернуться — резко протянул руку к рычажку и убрал звук.

— Извини, мама, — с досадой пробормотал он.

— А мне интересно! — С вызовом Полина Андреевна вернула звук, негромкий, впрочем.

Но она сразу утратила интерес к телевизору, когда сын попросил:

— Мама, дай водки.

Она открыла буфет, зазвенела графинчиком, рюмкой.

— И стакан, — добавил Мельников.

Паника в глазах Полины Андреевны: стаканами глушить начал!

Мельников налил — она предпочла не смотреть, сколько — и выпил.

Уткнулся в тарелку, медленно стал жевать.

Звучала странная механическая музыка.

Боковым зрением старуха пристрастно следила за сыном. Потом озабоченно вспомнила:

— Тут тебе какая-то странная депеша пришла. Из суда.

И она протянула ему письмо в казенном конверте.

Мельников взял. Вскрыл. Читает. Чем дальше читает, тем резче обозначаются у него желваки.

— Нет, ты послушай. — И он принялся читать вслух:

«Уважаемый Илья Семенович!

Не имею времени зайти в школу и посыму вынужден обратиться с письмом. Моя дочь

Люба систематически получает тройки повшему предмету. Это удивляет и настороживает. Ведь история — это не математика, тут не нужно быть семи пядей во лбу, согласитесь...»

Согласись, мама, ну что тебе стоит? — зло перебил сам себя Мельников.

«Возможно, дело в том, что Люба скромная, не обучена краснобайству, а также завитушкам слога. Полагаю, девушке это ни к чему.

Я лично проверил Любу по параграфам с 61-го по 65-й и считаю, что оценку «4» («хорошо») можно поставить, не кривя душой...».

— Они лично, — прокомментировал Мельников, — считают!

«Убедительно прошу вторично проверить мою дочь по указанным параграфам и надеюсь на хороший результат.

С приветом, нарсудья Потехин». Вот так, мама, ни больше, ни меньше. И все это на бланке суда — на бумагу даже не потратился! — Он скомкал письмо, встал, заходил по комнате.

Звучала механическая музыка.

— Зачем же так раздражаться? — сказала мать. — Ты же сам говорил: если человек глуп, то это надолго.

— Это Вольтер сказал, а не я, — поправил Мельников автоматически. — Но он не так глуп, мама! Его вдохновляют воспоминания... Ну, я ему покажу... этому служителю Фемиды! Может, послать ему повестку... в нарсуд?

Механическая музыка кончилась.

Явно желая отвлечь сына, Полина Андреевна вдруг всплеснула руками:

— Илья, ты посмотри, что я нашла!

Из большой шкатулки, где, очевидно, хранился реликвии семьи, она извлекла фотографию. Протянула сыну. Он взял без энтузиазма.

Это был выпуск семилетней давности. Рядом с Ильей Семеновичем стояла Наташа.

Мельников глянул и помрачнел еще больше. Отошел к окну.

— Сколько я буду просить, чтобы она зашла к нам? — перебирая в шкатулке другие фотографии, сказала Полина Андреевна. — Тебе хорошо, ты ее каждый день видишь...

Он оглянулся с таким выражением глаз, что она предпочла переменить тему.

— Опять моросит? — спросила старуха.

Он курил, глядя в окно.

— Ты не замечала, мама, что в безличных предложениях есть безысходность? «Моросит»... «Темнеет»... «Ветренно». Знаешь почему? Не на кого жаловаться! И не с кем бороться...

Он ушел в свою комнату. Не находя себе дела, присел к пианино. Взял несколько аккордов.

Полина Андреевна держала в руках фото, которое всегда делают, когда рождается ребенок: на белой простынке лежал на пузе малыш и улыбался беззубым ртом, доверчиво и лукаво.

А Мельников в это время запел... Тихо, серьезно. Это имело отношение не к вокалу, а к жизни, к войне, к одиночеству, к водке и дождю, к поиску утешения и надежды. Вот эта песня:

«В этой роще бересовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей,—
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей».

Мать слушала его, перебирая фотографии.

«Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?»

Перед нами беспорядочно проходит его жизнь и жизнь его семьи в фотографиях. Вот он школьник, с отцом и матерью. Вот мать в халате врача среди медперсонала больницы. Вот Мельников с незнакомой нам девушкой...

«Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой».

Вот Мельников в военной форме, с медалью. Вот его класс на выпускном вечере.

Вот Мельников студент, на какой-то вечеринке. Вот он рубит воздух рукой на трибуне, в школьном актовом зале... И опять фронтовой снимок.

«За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле,
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет,
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет...»¹

Тишина.

Телефонный звонок.

— Меня нет! — доносится голос Мельникова.

— Слушаю, — говорит в трубку Полина Андреевна. — А его нет дома.

И когда трубка уже легла на рычаг, старуха вдруг схватила ее снова, запоздало, сквозь одышку, воскликная:

— Алло! Алло!..

Вошел Мельников.

— Я могу ошибиться, но, по-моему, это...

Он все понял, отобрал у матери гудящую трубку, положил на место... и поцеловал обескураженную, ужасно расстроенную своей оплошностью Полину Андреевну.

¹ Стихи Николая Заболоцкого.

СУББОТА

Учительская.

Первой сегодня пришла в школу Наташа. Помаялась, не находя себе места, затем принялась критически разглядывать себя в зеркале.

Вошел учитель физкультуры, Игорь Степанович. Он перебрасывал с руки на руку мяч и следил за Наташей улыбаясь.

— Игорь Степаныч! — Наташа увидела его отражение в зеркале. — А я вас не заметила...

— А я в мягких тапочках, — объяснил он.
— Здравствуйте.

— Здрассте, здрассте... А я к вам с критикой, Наташа.

— Что такое?

— Нехорошо, понимаете. Вы наш молодой перспективный кадр, а общей с нами жизнью не хотите жить? Телефончик я у вас спрашивал — не дали. Ну ладно, мы не гордые, мы и в канцелярии можем узнать...

Она молчала.

— По агентурным данным,— продолжал он, присаживаясь,— вы каждый день ждете товарища Мельникова... Не отпирайтесь, только честное признание может облегчить вашу участь,— сострил он, видя ее попытку возразить.— А участь ваша — ниже среднего, я извиняюсь. У него же пыль столетий на очках... Из женщин его интересует только Жанна д'Арк... или какая-нибудь Салтычиха!

Он засмеялся заразительно.

Поссориться с ним Наташа не успела — в этот момент вошли Светлана Михайловна, химичка Аллочка, математичка Раиса Павловна.

— Здравствуйте, здравствуйте...

Светлана Михайловна водрузила на стол свою сумку — тару удивительной емкости. Любопытно, что сверху там лежал библиотечный том Е. А. Баратынского.

— Товарищи, что ж вчера никто не был в городском Доме учителя? Был неплохой концерт...

Никто не ответил на это Светлане Михайловне, и она отошла к расписанию.

— Мы ведь еще продолжим этот разговор? — приблизился опять к Наташе Игорь Степанович, и она вместо ответа сердито вышибла мяч у него из рук.

— Наташа!.. — с укоризной и недоумением сказала Светлана Михайловна не оборачиваясь. (Как это учителя умудряются видеть затылком — тайна сия велика есть!)

— А кстати, Наташа, у тебя ж нет первого урока, — заключила из расписания Светлана Михайловна.

— Нет... А я думала, что есть... перепутала,— ответила Наташа, ни на кого не глядя. Игорь Степанович бдительно следил за ней и насвистывал песню «Я ждала, и верила, сердцу вопреки...»

— Аллочка! — воскликнула Раиса Павловна.— Только что из дома — и уже звонить.

Химичка Алла Борисовна действительно уже устроилась у телефона. Светлана Михайловна подхватила:

— Вот так всегда... Формально все здесь, а мысли у каждого дома или...

Вошел Мельников.

— ... или вообще неизвестно где! — закончила Светлана Михайловна и косынкой прикрыла Баратынского в сумке.

Вдруг все увидели, что в руках у Ильи Семеновича, — цветы, свежие, еще влажные астры.

Испуганная, неуверенная радость в глазах Наташи. Задеты, заинтригованы все.

Полное молчание.

Мельников вдруг подходит к Светлане Михайловне:

— Это вам.

— Мне?..

— Двадцать лет в школе — это цифра, Светлана Михайловна. Это не кот начихал, — произнес он с уважением.

— Ой... А ведь верно! — изумилась порозовевшая Светлана Михайловна.— Я и сама-то забыла... А вы откуда знаете?

Мельников загадочно промолчал, подмигнул, отошел в сторону. Все в учительской

оживились, даже химичка Аллочка, швырнув на рычаг телефонную трубку, кинулась целовать Светлану Михайловну.

— Не-ет, вы цветочками не отдelaетесь,— шумел Игорь Степанович,— такое дело отмечается по всей форме! У нас напротив миро-вая шашлычная открылась, заметили? Я уже с зáвом на «ты», он нас встретит в лучших традициях Востока! — заверял он, переходя на грузинский акцент.

Входили другие учителя, им накороб объясняли, в чём дело, и Светлана Михайловна оказалась в кольце, ее целовали, сокруша-лись, что не успели подготовиться.

— Презент за нами... Надо ж предупреж-дать!.. Ребята, поди, тоже не знают...

— Илья Семёныч, вы им намекните, чтоб они хоть вели себя честь по чести.

Светлана Михайловна была счастлива. Бле-стели в ее глазах растроганные слезы.

— Спасибо, родные мои... Спасибо... Толь-ко не делайте из этого культа... Да разве по-дарки дороги, золотце мое? Дорого внима-ние...

Только один раз встретились в этой воз-бужденной сутолоке взгляды Мельникова и Наташи. Встретились, чтобы сказать: забудем вчерашнее, это глупо получилось, простите.

Раздался звонок на уроки.

Мельников вышел сразу, раньше других: очень уж шумно стало в учительской.

Ребята разбегались по классам.

— Илья Семёнович... — услышал Мельни-ков позади себя робкий невеселый голос.

Обернулся — это рыженькая некрасивая Лю-ба Потехина.

— Да?

— Илья Семёнович, — глядя не на учителя, а в окно, терзая носовой платок, заговорила Потехина. — Вы от папы моего ничего не по-лучали? Никакого письма?

— Получил. — У Мельникова твердеет ли-цо. — И вот что прошу передать ему...

— Не надо, Илья Семёнович! — перебила девочка. — Вы не обращайте внимания. Он всем такие письма пишет, — объявила она с мучительной улыбкой стыда.

— Кому — всем?

— Всем! Министру культуры даже. Зачем в таких позах артистов в кино снимают, зачем на экране пьют — все его касается... Вы из-вините его, ладно? И не обращайте внимания.

Он машинально поправил ей крылышко форменного фартука.

— Хорошо. Иди в класс.

Потехина убежала.

Усмехаясь своим мыслям, Мельников сто-ял у подоконника, напротив двери девято-того «В», в которую шмыгали опоздавшие...

Учителя расходились по классам.

Спешил мимо Мельникова старичок гео-граф Иван Антонович. Глядя на него детскими и озорными глазами, он сообщил:

— А у меня, друг мой, сегодня новый слу-ховой аппарат. Несравненно лучше прежнего!

...А когда Мельников уже входил в класс, его попридержала за локоть Наташа, задох-нувшаяся от бега:

— Илья Семеныч, пустите меня на урок!
— Это еще зачем?

— Ну не надо спрашивать, пустите, и все!
А? Я очень хочу, я специально пришла раньше своих часов...

Неизвестно, кто был смущен сильнее: она своей просьбой или он — невозможностью отказать.

И Мельников пропустил Наташу впереди себя.

Ее стоя встретили возгласами удивления, бурными приветствиями по-английски:

— Good morning!.. Welcome!.. How do you do!¹

Она села на последнюю парту, и на нее глазели, шепотом обсуждая, в чем причина и цель этой необычной «ревизии»...

Мельников хмурился: начало было легко-мысленное.

— Садитесь,— разрешил он, снимая с руки часы и кладя их перед собой.— Ну-ка, потише! В прошлый раз мы говорили о манифесте 17-го октября, о том, каким черствым и горьким оказался этот царский пряник, вскоре открыто замененный кнутом... Говорили о начале первой русской революции. Повторим это, потом пойдем дальше. ...Сыромятников! — вызвал он, не глядя в журнал. Лицо Сыромятникова выразило безмерное удивление.

— Чего?
— Готов?

¹ Доброе утро! Добро пожаловать! Здравствуйте.

— Более-менее... Идти? — спросил он, словно советуясь.

— И поскорей.

Сыромятников нагнулся, поискал что-то в парте и, ничего не найдя, пошел развинченной походкой к столу. Взял со стола указку и встал лицом к карте европейской части России начала нашего столетия, спиной к классу.

Пауза.

— Мы слушаем,— отвлек его Мельников от внезапного увлечения географией.

— Значит, так.— Сыромятников почесался указкой.— Политика царя была трусливая и велоромная...

— Какая?

— Велоромная! — убежденно повторил Сыромятников.

✓ — Вероломная. То есть ломающая веру, предательская. Дальше.

— От страха за свое царское положение царь выпустил манифест. Он там наобещал народу райскую жизнь...

— А точнее?

— Ну, свободы всякие... слова, собраний... Все равно ведь он ничего не сделал, что обещал,— зачем же вранье-то пересказывать?!

Мельников смотрел на Наташу, она давилась от хохота!

И у класса этот скоморох имел успех. Да и сам Илья Семенович с трудом удерживал серьезность, и под конец не удержал-таки.

— Потом царь показал свою гнусную сущность и стал править по-старому, он пил рабочую кровь, и никто ему не мог ничего сказать...

Смех в классе.

— Вообще после Петра I России очень не везло на царей — это мое личное мнение...

— Вот влепиши ему единицу, — сказал Мельников задумчиво и с невольной улыбкой, — а потом из него выйдет Юрий Никулин... И получится, что я душил будущее нашего искусства.

Светлана Михайловна была в учительской одна. Напевая мелодию какого-то вальса, она стояла, покачиваясь в такт и прикасаясь к лицу подарочными астрами.

Потом она поисками взглядом какую-нибудь вазу. Вазы не было. Заглянула в шкаф: есть!

Но — как это понять? — оттуда торчит бумага со словами:

«Здесь покоится «счастье» 9-го «В».

Счастье?

Что за фокусы? Сочинения где?!

Она нашла три двойных листка: две работы о Базарове, одна о Катерине. А остальные??!

Светлана Михайловна попыталась рассмотреть, что там, в этой вазе, но не поняла. Тогда она перевернула ее над столом.

Хлопья пепла, жженой бумаги выссыпались и разлетелись по учительской.

Светлана Михайловна, роняя свои астры — одни на стол, другие на пол, ошеломленно проводит рукой по лбу и оставляет на нем черный след копоти...

Заметалась Светлана Михайловна, взяла засечку телефонную трубку... Потом поняла: глупо. Не вызывать же «01»!

Она нагнулась и подняла свернутый трубоюк листок бумаги, которого прежде не заметила. Там какой-то текст, по ходу чтения которого лицо Светланы Михайловны выражает обиду, гнев, смятение, и снова обиду, доходящую до слез, до детского бессилия...

Урок истории идет своим чередом.

Теперь у доски — Костя Батищев. Отвечает уверенно, спокойно:

— Вместо решительных действий Шмидт посыпал телеграммы Николаю II, требовал от него демократических свобод. Власти успели опомниться, стянули в Севастополь войска, и крейсер «Очаков» был обстрелян и подожжен. Шмидта казнили. Он пострадал от своей политической наивности и близорукости. Пользы от его геройства было не много...

— Бедный Шмидт! — с горькой усмешкой произнес Мельников и закрыл глаза рукой. — Если бы он мог предвидеть этот посмертный строгий выговор...

— Что, неправильно? — удивился Костя.

Мельников не ответил, в проходе между рядами пошел к последней парте, к Наташе. И вслух пожаловался ей:

— То и дело слышу: «Жорес не понимал...», «Герцен не сумел...», «Толстой недопонял...» Словно в истории орудовала компания двоечников...

И уже другим тоном спросил у класса:

— Кто может возразить, добавить?

Панически зашелестели страницы учебника. Костя улыбался — то ли он был уверен, что ни возразить, ни добавить нечего, то ли делал хорошую мину при плохой игре.

— В учебнике о нем всего пятнадцать строчек, — заметил он вежливо.

— В таком возрасте люди читают и другие книжки! — ответил учитель.

— Другие? Пожалуйста! — не дрогнул, а, наоборот, расцвел Костя. — «Золотой теленок», например. Там Остап Бендер и его кунахи работали под сыновей лейтенанта Шмидта, — рассказал?

Класс засмеялся, Мельников — нет.

— В другой раз, — сказал он. — Ну кто же все-таки добавит?

Генка поднял было руку, но спохватился, взглянул на Риту и руку опустил: пожалуй, она истолкует это как соперничество...

— Пятнадцать строчек, — повторил Мельников Костины слова. — А ведь это немало. От большинства людей остается только тире между двумя датами...

Откровенно глядя на одну Наташу, он спросил сам себя:

— Что ж это был за человек — лейтенант Шмидт Петр Петрович? — И сам ответил, любясь далеким образом: — Русский интеллигент. Умница. Артистическая натура — он и пел, и превосходно играл на виолончели, и рисовал... что не мешало ему быть храбрым офицером, профессиональным моряком. А какой оратор!.. Но главный его талант — это

дар ощущать чужое страдание более остро, чем свое. Именно из такого теста делаются бунтари и поэты...

Остановившись, Мельников послушал, как молчит класс. Потом вдруг улыбнулся, заискрились у него глаза:

— Знаете, сорок минут провел он однажды в поезде с женщиной и влюбился без памяти, навек — то ли в нее, то ли в образ, который сам выдумал. Красиво влюбился!

Сорок минут, а потом были только письма, сотни писем... Читайте их, они опубликованы, и вы не посмеете с высокомерной скучкой рассуждать об ошибках этого человека!

— Но ведь ошибки-то были? — нерешительно вставил Костя, самоуверенность которого сильно пошла на ущерб.

Мельников оглянулся на него и проговорил рассеянно, с оттенком досады:

— Ты сядь пока, сядь...

Недовольный, но не теряющий достоинства Костя повиновался.

— Петр Петрович Шмидт был противником кровопролития, — продолжал Мельников. — Как Иван Карамазов у Достоевского, он отвергал всеобщую гармонию, если в ее основание положен хоть один замученный ребенок... Все не верил, не хотел верить, что язык пулеметов и картечи — единственно возможный язык переговоров с царем. Бескровная гармония... Наивно? Да. Ошибочно? Да! Но я приглашаю Батищева и всех вас не рубить сплеча, а прочувствовать высокую себестоимость этих ошибок!

...Слушает Наташа, и почему-то горят у нее щеки.

Слушает класс. Многие взволнованы. Крупные планы ребячих лиц.

— Послушай, Костя,—окликнул Илья Семенович Батищева, который вертел в руках сделанного из промокашки «голубя».—Вот началось восстание, и не к Шмидту—к тебе, живущему шестьдесят лет назад, приходят матросы... Они говорят: «Вы нужны флоту и революции». А ты знаешь, что бунт обречен, что ваш единственный крейсер без брони, без артиллерии, со скоростью восемь узлов,—не выстоит. Как тебе быть? Оставить матросов одних под пушками адмирала Чухнина? Или идти и возглавить мятеж и стоять на мостице под огнем и наверняка погибнуть...

— Без всяких шансов на успех? — прищурился Костя, соображая.—А какой смысл?

Его благоразумная трезвость вызвала реацию совсем неожиданную.

— Да иди ты со своим смыслом! — зло и громко взорвалась Рита... И, увидев пустующее место в соседнем ряду, пересела от Кости туда.

— Черкасова!..—одернул ее Илья Семенович, не сумев, однако, придать своему голосу достаточной строгости. Внимательный глаз заметил бы, как Мельников и Наталья Сергеевна чуть-чуть, уголками губ, улыбнулись друг другу в этот момент.

Надя Огарышева, повернувшись к Рите, показала ей большой палец.

✓ — Итак,—Илья Семенович повысил голос, требуя тишины,—был задан вопрос: какой смысл в поступке Шмидта, за что он погиб...

— Да ясно за что! — нетерпеливо перебил Михайцев.—Без таких людей революции не было бы...

Положив руку на плечо Михайцева, тем самым укрощая его и одобряя, Мельников продолжал:

— Он сам объяснил это в своем последнем слове на военном суде. Так объяснил, что даже его конвоиры, эти два вооруженных истукана, ощутили себя людьми и отставили винтовки в сторону...

Он достал из портфеля книгу — она называлась «Подсудимые обвиняют» — и, листая ее в поисках нужной страницы, снова проговорил задумчиво:

— Пятнадцать строчек...

Он ничего не успел прочитать: широко распахнулась дверь класса — на пороге стоял директор.

— Разрешите, Илья Семенович?

Илья Семенович пожал плечами, словно говорил: а как я могу не разрешить?

Николай Борисович вошел не один. С ним была Светлана Михайловна, на лбу у нее по-прежнему оставался черный след копоти, особенно заметный от пугающей бледности ее лица.

✓ — Извините за вторжение. А почему вы, собственно не встали? — спросил он у класса. Поспешно захлопали крышки парт, ребята

поднялись. Их слишком резко переключили с тех, «шмидтовских», впечатлений на эти, новые, и рефлекс школьной вежливости не сработал...

— Садитесь. Произошла вещь, из ряда вон выходящая. Вчера вечером кто-то вошел в учительскую, вытащил из шкафа сочинения вашего класса и скжег их.

Девятый «В» тихонько ахнул.

— Да-да,— продолжал Николай Борисович,— скжег! И оставил на месте своего преступления — я говорю это слово вполне серьезно, в буквальном смысле! — оставил там вот это объяснение. Дерзкое по форме и невразумительное по существу.

Листок он передал Мельникову. Илья Семенович отошел с ним к окну и стал читать.

— Я не буду говорить о том, какую жестокую, какую бесчеловечную обиду нанес этот... субъект Светлане Михайловне. Не буду также говорить и об идейной подкладке этого безобразия. Меня интересует сейчас одно: кто это сделал? Надеюсь, мне не придется унижать вас исебя такими мерами, как сличение почерков и так далее...

— Не придется! — вспыхнул Генка и встал.

— Ты, Шестопал?

— Я.

— Пойдем со мной.

— С вещами? — мрачно сострил Генка, но никто не засмеялся.

— Да-да, забирай все.— Николай Борисович протянул руку за листком к Мельникову.

— Ознакомился?

Не ответив, Илья Семенович вернул ему эту бумагу.

Мертвая тишина в классе.

Скорбным изваянием стоит в дверях Светлана Михайловна, так и не проронившая ни слова.

Генка собирали свои пожитки.

Вдруг Николай Борисович увидел Наташу.

— А вы, Наталья Сергеевна, каким образом здесь?

— Мне разрешил Илья Семенович...

— Ах, так! Ну-ну.

Ни на кого не глядя, Генка пошел с портфелем к двери.

Директор вышел за ним.

Еще раз оглядел класс и кивая каким-то своим мыслям, последней ушла Светлана Михайловна с полосой копоти на лбу, напоминающей пороховую метку боя...

Мельников, кажется, совсем забыл, что у него идет урок, что вопрошающие смотрят на него ребята и Наташа, не слышит он, как нарастает в классе гул; медленно сбрасывая оцепенение, 9-й «В» уже пытался вслух осмыслить новое ЧП.

— О чем я говорил? — спрашивает наконец Мельников с усилием.

— Про пятнадцать строчек, что это не мало,— подсказала Рита.

— Да-да.

Он взял со стола книгу, но глядел поверх ее, медлил... И вдруг, решив что-то, порывисто вышел из класса...

Все замерло, а потом загудело тревожно:

— Он к директору пошел, да? Наталья Сергеевна?

— А куда ж еще-то! — опередил Наташу Михайцев. — Братцы, Шестопальчику хана — это точно!

— А зачем он сжигал? Не посоветуется ни с кем — и сразу сжигает...

— Это все для оригинальности! Лишь бы повыпендриваться!

— Ребята, тихо! — заклинала их Наташа. Однако страсти слишком долго консервировались, им нужен был выход.

— По себе судишь-то! — кричали тому, кто заклеймил Генку.

— Он объяснение написал, почитать надо...

— Нет, а вообще-то он психованный.

— Сама шизик.

— Я-то нормальная. Я, может быть, без одной ошибочки написала, это у меня, может быть, лучшее сочинение за два года! Пусть он мне теперь отдает мою пятерочку! — наседала на Михайцева, главного Генкиного адвоката, одна голосистая блондиночка.

— Тоже мне Герострат, — высказался Костя Батищев.

— Кто-о?! — оскорбился Михайцев. — Ты выбирай слова-то!

— Да тихо же вы! — умоляла Наташа, и в ее положение вошел Сыромятников: он стал ходить по рядам, раздавая звонкие «шелобаны» всем, кто был особенно горласт.

Эта мера принесла успокоение.

— Послушайте, — сказала Наташа, и на этот раз все послушались, замолчали. — Я думаю,

просто рано спорить. Сначала надо понять. Вот смотрите, какая странная вещь: девять лет вы учитесь рядом с человеком и не знаете о нем самого главного.

— Знаем. Он честный, — сказала Надя Огрышева.

И никто ей не возразил. Очень веско она это сказала.

— А если честный... — Наталья Сергеевна не закончила фразу: эта предпосылка рождала выводы непедагогичные и далеко ведущие...

И все это поняли.

— А знаете, чего я слыхал? — объявил неожиданно Михайцев. — Что наш директор Илью Семеныча из окружения вытащил, раненого...

— Это правда, — подтвердила Наташа. И с грустной, немножко смущенной улыбкой добавила: — А перед этим Илья Семеныч потерял очки... Представляете? На войне — очки потерять? Беспомощный был, как ребенок...

Ребята помолчали, оценивая про себя далекую фронтовую беду Мельникова и ту особую, личную интонацию, с какой рассказала о ней их англичаночка...

— Наталья Сергеевна, а правда, что Илья Семенович уходит от нас?

— Как уходит? Откуда вы взяли?

— Говорят. Даже говорят, что он заявление уже написал...

У Натальи Сергеевны был такой растерянный взгляд, так дрогнули губы, что Света Демидова сразу поспешила на помощь:

— Врут, наверно! Не верьте, Наталья Сергеевна, это все сплетни!..

Кабинет директора школы.

Оттуда выходят Мельников и Генка. Молча начинают подниматься по лестнице.

Илья Семенович оглянулся и увидел, как за ними вышла Светлана Михайловна, кашляя и брезгливо держа поодаль от себя сигарету.

— Иди в класс, я сказал! — сердито шикнул Мельников на Генку и спустился.

Увидев его рядом с собой, Светлана Михайловна снова захлебнулась кашлем.

— Вы зажгли фильтр, надо с другого конца, — сказал Илья Семенович и протянул ей пачку сигарет.

Светлана Михайловна не взяла. Измененным, низким голосом проговорила:

— Ну, спасибо, Илья Семеныч! Хороший подарочек... Вы сделали из меня посмешище! Вам надо, чтобы я ушла из школы?

— Светлана Михайловна...

— Им отдаешь все до капли, а они...

— Что у нас есть, чтоб отдать, — вот вопрос... Послушайте! Вы учитель словесности. Вам ученик стихи написал. Это хорошо, а не плохо, — сказал он так, словно ей было пять лет, и она плохо слышала после свинки.

— Ну, не надо так! Я еще в своем уме, — вспылила она. — «Дураки остались в дураках», — он пишет. Это кто?

Вопрос был задан слишком «в лоб», и Мельников затруднился.

— Боясь, что в данном случае это мы с вами... Но если он неправ, у нас еще есть время доказать, что мы лучше, чем о нас думают, — сказал он тихо, простодушно и печально, с ин-

теллигентским чувством какой-то несуществующей вины...

— Кому это я должна доказывать?! — опять вскинулась Светлана Михайловна, багровея.

— Им! Каждый день. Каждый урок, — в том же тоне проговорил Мельников. — А если не можем, так давайте заниматься другим ремеслом. Где брак дешевле обходится... Извините, Светлана Михайловна. Меня ждут.

Он уже поднимался по лестнице, когда она тихо спросила, не в силах проглотить сухую кость обиды:

— За что вы меня ненавидите?

— Да не вас, — досадливо поморщился он. — Как вам объяснить, чтобы вы поняли?..

— Для этого надо иметь сердце, — сказала она горько.

Мельников приподнял плечи, секунду помедлил и стал решительно подниматься. Сверху, облокотясь на перила, глядел спасенный — до ближайшего педсовета! — Генка Шестопал...

... В класс они вошли вместе — Генка и Мельников. Стоило Генке сесть на место, расстегнуть портфель, как к нему потянулись руки для пожатия, зашелестел шепот: «Ну что было то?» — но Генка не мог сейчас отвечать.

На Илью Семеновича класс смотрел теперь восхищенно. Наташа вернулась на свою последнюю парту.

— Урок прошел удивительно плодотворно, — усмехнулся Мельников устало. — Дома прочтите о декабрьском вооруженном восстании. Все... А теперь...

Зазвенел звонок.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

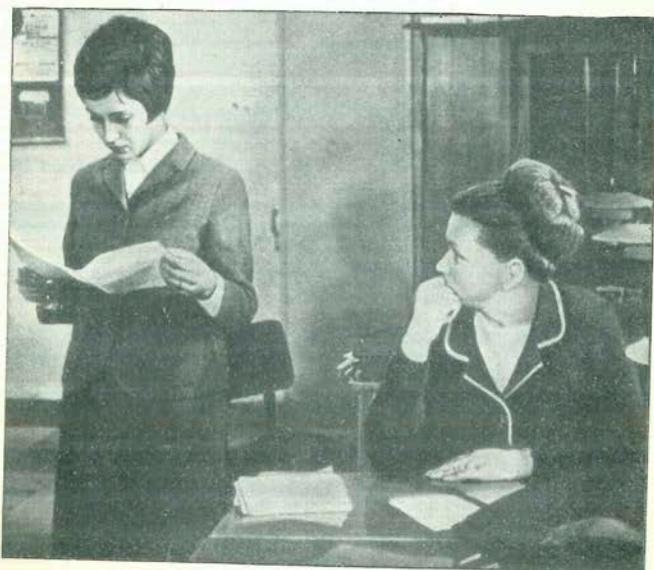
Автор сценария — Г. И. Полонский. Режиссер-постановщик — С. И. Ростоцкий. Оператор — В. М. Шумский. Композитор — К. В. Молчанов. Художник — Б. Д. Дуленков. Редактор — А. З. Анфиногенов. В ролях:

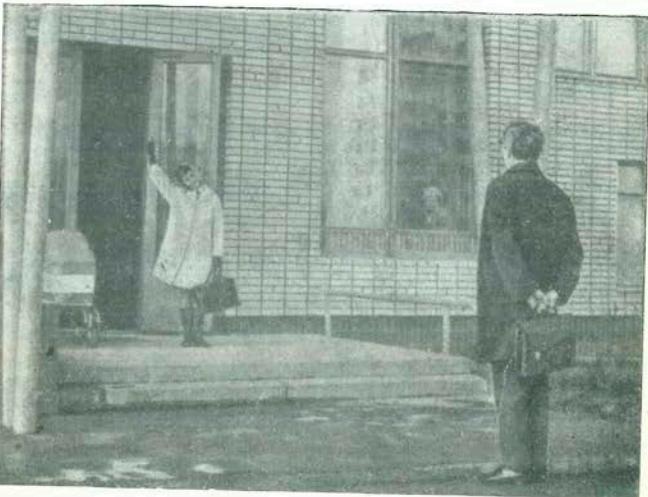
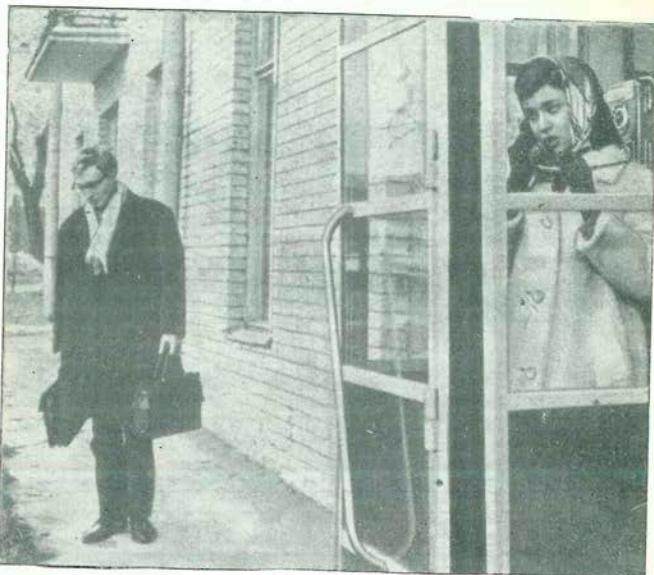
Мельников — В. Тихонов. Светлана Михайловна — Н. Меньшикова. Наташа Горелова — И. Печерникова. Мать Мельникова — О. Жизнева. Директор школы — М. Зимин. Генка Шестопал — В. Зубарев. Рита Черкасова — О. Остроумова. Костя Батищев — И. Старыгин. Надя Огарышева — Л. Архарова. Сыромятников — Ю. Чернов. Света Демидова — Р. Григорьева. Черевичкина — С. Богданова. Михеев — А. Ширкевич. Любка Потехина — Е. Герасимова. Борис Рудницкий — Д. Щербаков. Мать Вовы Левикова — Л. Соколова. Вова Левиков — А. Листаров.

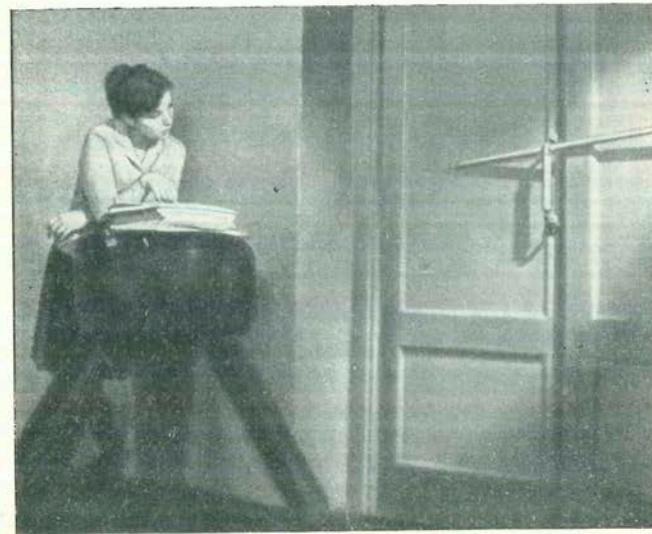
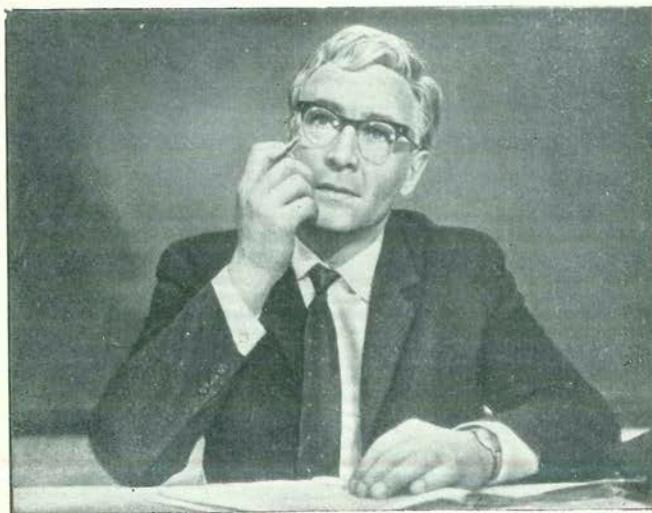
Фотографии предоставлены художником-фотографом Н. А. Сорокиным.

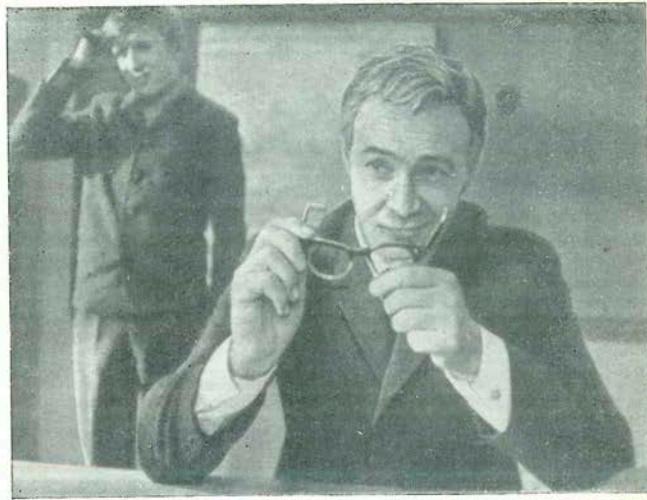
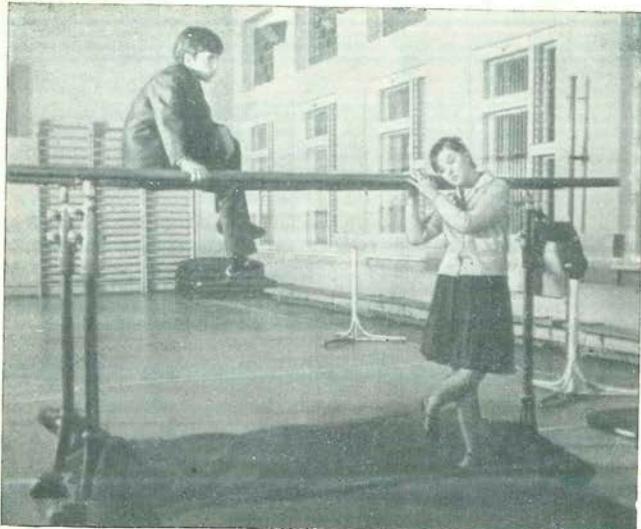

Диплом педагогического института дал Г. Полонскому право преподавать в школе русский язык, литературу и английский язык. Но, работая учителем, он уже был «болен» театром и в школьном опыте искал материал для новой пьесы. Она называется «Два вечера в мае». В 1965 году ее поставили Московский академический театр имени Моссовета и Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, а также ряд других театров страны. Возникает потребность заниматься драматургией всеярез, профессионально. Г. Полонский поступает на сценарное отделение Высших курсов сценаристов и режиссеров. Результатом явился дипломный сценарий «Доживем до понедельника», в котором автор остается верным школьной теме. Режиссер Станислав Ростоцкий поставил фильм по этому сценарию на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького.

Георгий Полонский ДОЖИВЕМ ДО ПОНДЕЛЬНИКА

Редактор Л. Ильина. Оформление и художественная редакция Г. Александрова. Технический редактор А. Ханина. Корректор Н. Шаханова. Сдано в набор 28/XI—1968 г. Подп. в печ. 4/IV—1969 г. А 06603. Форм. бум. 70×90 $\frac{1}{2}$. Бумага тип. № 2. Тираж 30.000 экз. Усл. печ. л. 4,095. Уч.-изд. л. 3,986. Изд. № 15837. «Искусство», Москва, К-51, Цветной б., 25. Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109. Цена 26 коп.

